

И. А. ЗАВАДСКАЯ

ХРИСТИАНСКИЕ РАСПИСНЫЕ СКЛЕПЫ КРЫМА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПОГРЕБАЛЬНОЙ РОСПИСИ В РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД

В истории и памятниках Крыма нашли отражение многие процессы политической, экономической, религиозной и культурной жизни Восточно-Римской империи. Именно влияние Византии в значительной степени предопределило и ход начальной истории христианства на полуострове. Вместе с новой религией местным населением были восприняты также художественные формы выражения своей приверженности к христианским идеалам. К числу самых ранних и наиболее ярких памятников христианского искусства Крыма принадлежат расписные склепы Херсонеса и Боспора.

Большинство крымских христианских расписных склепов исследовано еще в конце XIX – начале XX вв. Спустя сто лет, уже в наши дни, открытие новых склепов с христианской живописью возродило повышенный интерес ко всей группе этих памятников и вызвало многочисленные споры по различным проблемам, многие из которых продолжают оставаться нерешенными¹.

Поскольку интересующие нас склепы Херсонеса и Боспора уже неоднократно описывались в научной литературе, лишь кратко охарактеризуем их, чтобы подчеркнуть существенную разницу в характере и стиле их оформления.

По типологии и хронологии, разработанной Е.А. Зинько на основании особенностей объемно-планировочной конструкции и топографической привязки, склепы, открытые на некрополе г. Боспор (северный склон горы Митридат), делятся на три типа. В тип I объединены 11 склепов с так называемой «геометрической» росписью в виде сильно схематизированных примитивных рисунков растений, животных, птиц, людей, геометрических фигур и других изображений, исполненных одной или двумя красками. Исследовательница датирует их III – началом V вв. и на основании анализа символики изображений

---

¹ Наиболее полную библиографию работ по исследованию расписных склепов Херсонеса и Боспора см.: [1, с. 57-72, 111-117; 2, с. 67-73; 3, с. 56-66; 4, с. 258-288; 5, с. 121-132].

считает их христианскими [2, с. 71-72; 6, с. 78-89; 7, с. 309-318]. В тип II вошли склепы с христианскими граффити (№ 25 «Системы 2000 г.» и др.), а также склеп 1912 г.² с рельефным изображением креста с четырьмя птицами над входом с внутренней стороны. Е.А. Зинько относит их к последней четверти IV – первой половине V вв. [7, с. 311]. Тип III составляют склепы, на стенах которых фиксируются многочисленные красные кресты, в двух памятниках сопровождаемые текстами молитв и псалмов (склепы 1891 г. и 1895 г.), исполненные также красной краской. Суммарно эти памятники датируются второй половиной V – серединой VI вв. [7, с. 311; 3, с. 62-65]. Следует отметить, что роспись в боспорских склепах I и III типов нанесена непосредственно на глинистый грунт без штукатурки.

В отличие от боспорских памятников, полихромные росписи 11 известных на сегодняшний день херсонесских склепов³ очень близки между собой по техническим и стилистическим характеристикам⁴, что позволяет говорить об их принадлежности одному периоду [8, с. 449-480; 1, с. 72; 4, с. 258-286]. Все они выполнены по гладкой известковой штукатурке, порой отмечается наличие первичного (выравнивающего) цемянкового слоя, а также то, что краски нанесены по сырой поверхности, т.е. в технике *al fresco* [8, с. 450, 453, 464, 467, 470, 475]. Большинство художественных элементов этих росписей – деревья, цветы, гирлянды, виноградная лоза, птицы, горящие свечи, как и декоративная система в целом, объединяющая инкрустационный и цветочный стили, являются наследием античной языческой живописи, хотя и с новым христианским содержанием. Богатый набор декоративных элементов лишь некоторых из этих склепов дополнялся изображением христогограммы, что является безусловным свидетельством их христианской принадлежности.

Таким образом, росписи позднеантичных и раннесредневековых склепов Херсонеса и Боспора можно разделить на три разнородные стилистические группы: рисунки, выполненные в «геометрическом» стиле одной или двумя красками (Боспор); полихромные фрески, выполненные в античных традициях (Херсонес); росписи, состоящие из красных крестов и священных текстов (Боспор).

---

² В название склепа принято включать дату его открытия.

³ Описание и анализ 8 склепов (склеп 1903 г., склеп 1904 (1853) г., склеп 1905 г., два склепа 1907 г., склеп 1909 г., склеп 1912 г., склеп на земле Н.И. Тура) содержатся в труде М.И. Ростовцева [8, с. 449-480]. В 1998-1999 гг. открыты еще два расписных склепа, подробный отчет о раскопках которых прилагается к монографии В.М. Зубаря и А.И. Хворостяного [1, с. 144-154]. Еще один склеп с росписью, которая сопровождалась христианской надписью, открыт в 2003 г. и исследован в 2006 г. [9, с. 186-187; 10, с. 189-191; 11, с. 46]. Полной публикации памятника еще нет.

⁴ В 2006 г. в Херсонесе открыт склеп с христианскими граффити (надписи, хризма, кресты, изображения кораблей). В предварительных публикациях его датируют второй половиной IV – началом V вв. [9, с. 190-191].

Первостепенной проблемой в исследовании крымских расписных склепов является выяснение как можно более точной их хронологии, что, ввиду особой исторической значимости этих памятников, существенно влияет на представление о характере и темпах христианизации местного населения. В связи с этим следует отметить, что если новейшая разработка типологии и хронологии боспорских склепов Е.А. Зинько не вызвала возражений в научной среде, то вокруг датировки херсонесских склепов разгорелась серьезная дискуссия [12; 1, с. 58-75, 144-154; 13, р. 123-125; 14, с. 34-36; 15, с. 408-411; 4, с. 258-288; 16, с. 131-136; 17, с. 114-116; 11, с. 45; 18, с. 182-186]. Данная группа склепов различными исследователями датируется от второй половины IV – начала V вв. до VI-VII вв. Защитники ранней даты основываются, прежде всего, на стилистических особенностях херсонесских росписей; подтверждает раннюю дату также археологический материал из этих склепов, в частности монеты [8, с. 451-479; 14, с. 34-36; 15, с. 408-412; 4, с. 258-286; 9, с. 189-191; 11, с. 46-47]. Сторонники поздней датировки в качестве основного аргумента приводят особенности денежного обращения в Херсоне, которые, по их мнению, исключают возможность использовать монеты IV – начала V вв. из этих склепов для определения их даты [12, с. 4; 1, с. 81]. Кроме того, в последнее время выдвинута теория «некоторого «запаздывания» хронологических рамок бытования того или иного элемента росписи склепов Херсонеса» как результат замедленных темпов христианизации его населения, по сравнению с другими центрами [16, с. 134; 18, с. 184-185]. Отличие херсонесских расписных склепов и боспорских склепов с крестами и псалмами сторонники поздней даты склонны объяснять «определенными особенностями проникновения христианства в среду населения этих двух бывших античных центров» и «преобладанием среди адептов христианства на Боспоре, в отличие от Херсонеса, лиц смешанного этнического происхождения» [1, с. 73].

Чтобы определить, чем же объясняется столь существенная разница между херсонесскими и боспорскими склепами – хронологическим разрывом или местными особенностями – необходимо обратиться к истории развития погребальной живописи на территории Византийской империи.

Следует констатировать, что памятники погребальной живописи практически не включены в общие работы по истории раннехристианского и византийского искусства. Исключение составляют лишь росписи, главным образом, римских катакомб III – первой половины IV вв., которые по праву рассматриваются как начало христианской живописи, зарождавшейся в рамках позднеантичной культуры [19, р. 19-20; 20, р. 77-144; 21, с. 23; 22, с. 38-44]. Что касается многочисленных христианских склепов и гробниц, несущих на своих стенах росписи более позднего времени, то им посвящены узкоспециальные публикации одного или группы памятников. Попытки обобщающих исследований крайне редки [23; 24]. В то же время, как представляется, гробничная

роспись IV-VI вв. может служить важным источником по изучению ранневизантийского искусства в целом, поскольку во многом отражает его главные тенденции.

В данной статье с целью выявить наиболее близкие аналогии росписям крымских склепов и определить их место в истории христианского погребального декора, что, безусловно, поможет пролить свет на их хронологию, мы рассмотрим основные этапы поступательного развития декоративного оформления христианских погребальных сооружений на протяжении IV-VI вв. Поскольку проследить этот процесс во всех деталях в рамках одной статьи сложно, основное внимание сосредоточим на том, как изменяется место и роль главных христианских символов – креста и христорогаммы – в общей схеме погребальной декорации, что представляется наиболее важным и показательным для понимания рассматриваемого процесса в целом. Территориально наше исследование охватывает, главным образом, Балканский полуостров и Малую Азию, где расположены наиболее близкие по стилю аналогии крымским памятникам⁵.

* * *

История изображения креста и других крестообразных знаков неоднократно рассматривалась в мировой историографии [25, с. 37-38; 26; 27; 23, р. 761-763 и др.]. Однако определение времени наиболее ранних христианских символов в виде крестообразных фигур остается проблемой, вызывающей постоянные споры. В контексте нашей темы важно отметить, что в погребальной росписи изображения креста и христорогаммы получают свое развитие с IV в. Монограмма Христа в погребальных сооружениях встречается и ранее, например, в надписи римской катакомбы св. Каллиста второй половины III в. [23, р. 763]. Однако хризмы были крайне редки в декоре катакомб этого времени, изобилующем сценами из Ветхого и Нового Заветов в сочетании с героями античных мифов. В период гонений христиане стремились держать в тайне наиболее священные символы и догматы [28, с. 37-41]. После того, как при Константине Великом христианство было выведено из подполья и узаконено (Миланский эдикт 313 г.) и постепенно становилось доминирующей среди других религий, крестное изображение, как «символ бессмертия и торжественный знак победы над смертью» [29, с. 45], было взято под защиту государства. По сообщению Евсевия Памфила, монограмма Христа в венке была отобразена на шлеме императора и на войсковом знамени (лабаруме), кроме того, изображение креста – «символа спасительных страданий», усеянного драгоценными камнями в золотой оправе находилось «в вызолоченном углублении потолка» одной из палат дворца Константина [29, с. 44-45, 125-126]. По замечанию церковного историка, «этот символ боголюбивому василевсу казался хранителем его царства» [29, с. 126]. Подчеркнем, что

---

⁵ Аналогии отдельным элементам и декоративно-символической росписи, в целом, херсонесских склепов отражены в авторской статье [4].

именно такое оформление сводов гробниц и церквей станет очень популярным в христианском искусстве второй половины IV – V вв.

В погребальной росписи IV в. изображения крестов, а чаще всего христограмм (хризм), являлись частью определенной, достаточно развитой декоративной программы, основная идея которой заключалась в выражении надежды на спасение после смерти, веры в воскрешение, в царство небесное [30, р. 8-11]. Именно эта тема определяла весьма богатый набор изобразительных элементов, заимствованных из языческого искусства, но наделенных уже новым символическим значением. Цветы, гирлянды, венки, виноградная лоза, деревья, цветочные корзины, птицы исполнены в большинстве случаев в живописной манере, еще целиком пропитанной античными традициями. Все эти изображения, объединенные в одной композиции, наряду с индивидуальной символической нагрузкой [28, с. 185-195, 210-213, 230-243] представляли многокрасочную картину небесного рая – мечту и надежду каждого христианина. Помимо элементов цветочного или, выражаясь образно «райского» стиля долгое время в декорации христианских гробниц сохранялись мотивы «инкрустационного» стиля [4, с. 263-268]. Имитация мраморной облицовки нижней части стен, как символ земного, материального богатства и роскоши, была заимствована из декора античных домов и, скорее всего, свидетельствовала о сохранении среди христиан языческого отношения к погребальному сооружению как к жилищу покойника. Не исключено также, что «земные стандарты» благополучия автоматически переносились и на представления о небесном бытии, и в таком случае мраморировку тоже можно рассматривать как составляющую райского мира в воображении заказчиков и создателей этих росписей. Среди обилия разнообразных элементов, воплощающих рай на стенах и сводах гробниц, мы и находим изображение христограммы или креста, по отношению к которому Иоанн Златоуст наряду с другими эпитетами применяет также определение «знак царства небесного» [31, 3-4]. Для памятников IV в. наиболее характерно использование изображения христограммы в венке, что означало *in pace Christi* (в мире Христа) [28, с. 235]. Данное изображение располагалось на своде или в люнете сводчатых гробниц и склепов. Как правило, в одном памятнике оно встречается один, реже – два раза.

Ярким образцом подобной декоративной схемы является полихромная роспись сводчатой гробницы IV в. в Никее (современный Изник, Турция), с очень насыщенной композицией, в которой присутствуют цветы, фрукты (яблоки, груши), пальмовые ветви, птицы (павлины, куропатки), сосуды (блюдо, канфар), а также мраморировка, сухарный фриз, сетка из квадратов с фигурными розетками на своде [23, № 80; 32, р. 203-224] (рис. 1). Центральную тему росписи (на восточной стене против входа) формируют два павлина – символы воскресения, стоящие по обеим сторонам канфара. Сюжет в целом символизирует таинство причащения, которое неразрывно связано с идеей

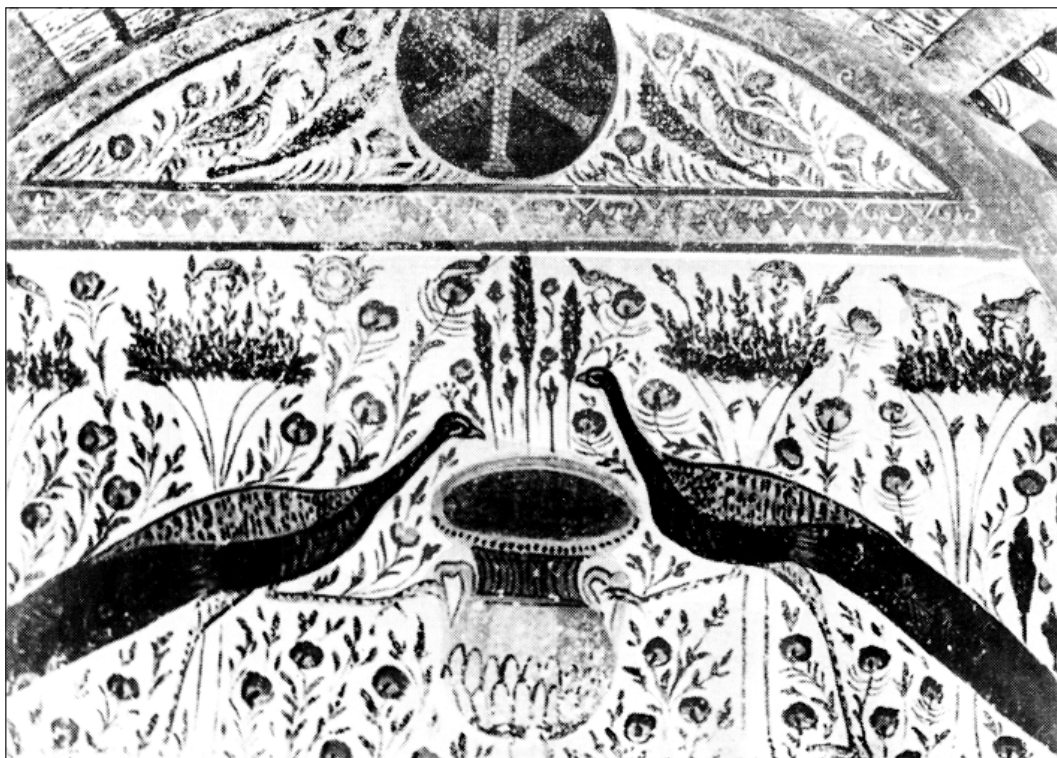
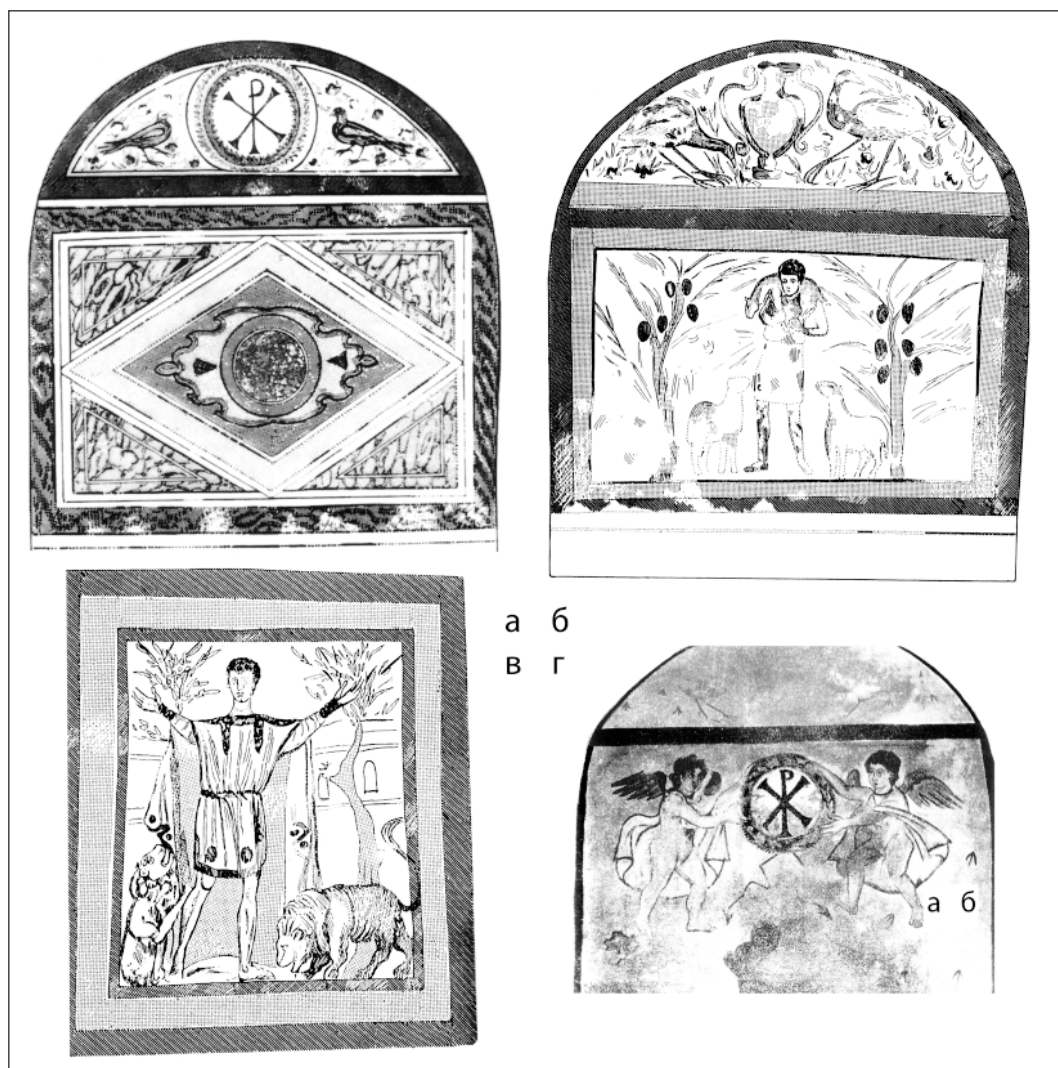

Рис. 1. Никея (Изник, Турция). Гробница IV в. [32, fig. 2].

воскресения, догматом о царстве небесном [28, с. 153, 214]. Над этим сюжетом в центре люнета помещена христограмма в круге между двумя куропатками и пальмовыми ветвями. Соотношение этих двух сюжетов подтверждает мнение о символической равнозначности расположенных между двумя птицами сосуда и хризмы в круге [28, с. 241] и означает символический путь через причастие, через приобщение к христианской истине достижения царства небесного в мире Христа.

Богатством и разнообразием декора отличаются расписные гробницы IV в., открытые на территории Греции, в частности на некрополе Фессалоник. Наиболее ранней из тех, в которых присутствуют христограммы, является гробница Флавия и Аврелии Евсторгии начала IV в. [33, р. 8-12; 34, р. 178, fig. 9-13; 35, № 124, р. 121]. На противоположной от входа восточной стене изображен портрет семьи погребенных, над которым в люнете на цветочном поле в венке частично сохранилась эпитафия с христограммой в конце. Хризма в лавровом (или оливковом) венке располагалась также на своде, усеянном цветами. На длинных стенах – фигуры птиц, стоящих по сторонам сосудов на фоне цветов и плодов. Гробница, обнаруженная на ул. Демосфена в Фессалониках

Рис. 2. Фессалоники (Греция). Гробницы IV в.: а-в – на ул. Демосфена, г – «Доброго Пастыря» [24, fig. 16, 47, 48].

(360-370 гг.), состояла из двух погребальных камер, полностью покрытых росписью. Только в люнете одной из них была представлена монограмма Христа в круге и венке между двумя птицами (рис. 2, а). Роспись второй комнаты включает в себя сцены библейского цикла (Адам и Ева, Даниил в яме со львами и др.), среди которых также Добрый Пастырь в райском саду, символизирующий Иисуса Христа (рис. 2, б, в) [24, fig. 16, 46-48]. В люнете этой стены – традиционная композиция с двумя птицами по сторонам сосуда. Изображение

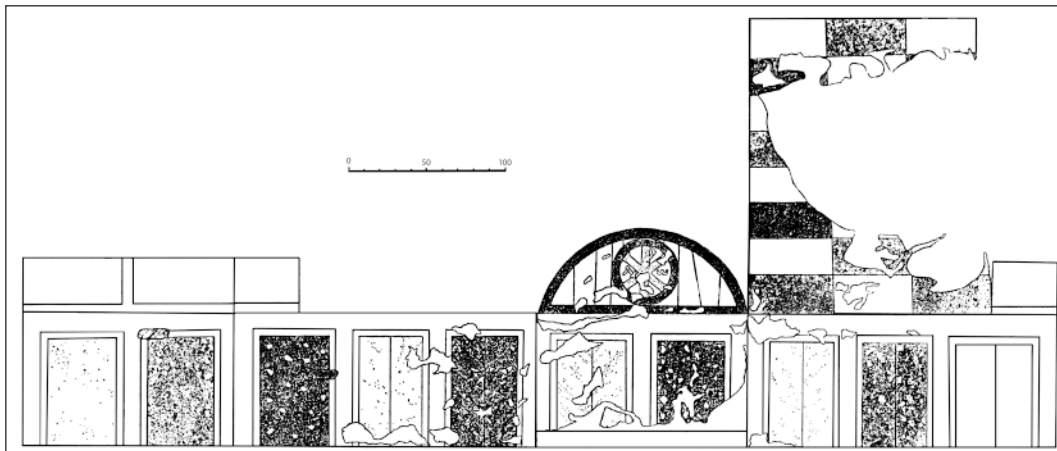

Рис. 3. Фессалоники (Греция). Гробница № 21 середины IV в. [36, ел. 2].

Доброго Пастыря присутствовало еще в одной фессалоникской гробнице (на ул. Византии) первой половины IV в., получившей в литературе название «гробница Доброго Пастыря». На одной из ее длинных стен развита тема райского сада с изображением двух павлинов вокруг резервуара (фонтана?), установленного на колонне среди цветочного поля с решетчатой оградой. Христограмма здесь представлена в венке в окружении двух ангелов на одной из узких стен (рис. 2,з) [33, р. 12-25, fig. 3-5; 34, р. 178, fig. 22-23; 23, № 34]. В фессалоникской гробнице № 21 середины IV в. (датировка по монетам 340-350 гг.), открытой около госпиталя св. Димитрия (Aghios Dimitrios), монограмма Христа с апокалиптическими буквами «альфа» и «омега» желтого цвета в красном круге находилась в люнете противоположной от входа стены [36, р. 194-198]. Свод и стены полностью расписаны в виде прямоугольников, имитирующих разноцветный мрамор (рис. 3).

В христианской погребальной живописи уже с IV в., помимо хризм, использовались также кресты, как правило, с удлинённой вертикальной ветвью (*crux immissa*) и с расширениями на концах. Примерами служат росписи некрополей этого времени городов Филипп и Верии. Так же, как и христограмма, крест чаще всего изображался в круге или растительном венке, в окружении птиц и цветов. Подобная композиция одной из гробниц восточного некрополя Филипп была дополнена также молитвенным воззванием («Господи, помилуй нас и воскреси нас, спящих здесь в правой вере») [37, р. 223-228; 35, № 234; 23, № 40] (рис. 4,а). В той же гробнице в противоположном люнете находился еще один крест среди цветов (рис. 4,б). В гробнице № 13 из Верии, которую также датируют серединой IV в., крест в венке дополнялся буквами «альфа» и «омега», которые были подвешены к концам горизонтальной оси. На северной длинной стене сохранились остатки изображения женщины в позе оранты, пред-

ставленной в райском саду, – ее окружают цветы, кипарис и канделябр, а также надписи, одна из которых заключала в себе просьбу к покойной от лица ее мужа [38, р. 2709, fig. 18-19] (рис. 5).

Примерами многофигурных композиций, важным элементом которых была христограмма в венке или медальоне, являются также росписи склепов IV в. в Наиссе (г. Ниш, Сербия) и в Сопиане (г. Печ, Венгрия) [39, р. 85-100; 40, с. 144-147; 23, № 55, 72]. В обеих росписях, покрывавших все стены и свод, христограммы представлены дважды. В нишском склепе конца IV в. – христограммы с «альфой» и «омегой» в богатых растительных венках

в окружении пальмовых ветвей: одна из них над входом, по обеим сторонам которого расположены две фигуры⁶, вторая – на противоположной стене между двумя фигурами, стоящими среди деревьев и других растений. Картины райского сада представлены и на длинных стенах нишского склепа. За символической оградой-балюстрадой, разделяющей земной мир и царство небесное, произрастает виноградная лоза с гроздьями (символ Христа и христианского учения), которые вкушают птицы – души умерших [39, р. 93-96, fig. 13-17]. В склепе в г. Печ монограмма Христа в медальоне изображена на своде и на одной из узких стен между апостолами Петром и Павлом, на длинных стенах – библейские сюжеты. Следует отметить, что сюжетные композиции библейского цикла и изображения человеческих фигур (портреты погребенных, процессии слуг)

Рис. 4. Филиппы (Греция). Гробница IV в.: а – люнет восточной стены, б – люнет западной стены [37, Taf. 55].

⁶ Идентификация этих фигур вызывает споры. По мнению одних исследователей, это апостолы Петр и Павел [39, р. 88-90], другие видят в них портреты погребенных [40, с. 144-146].

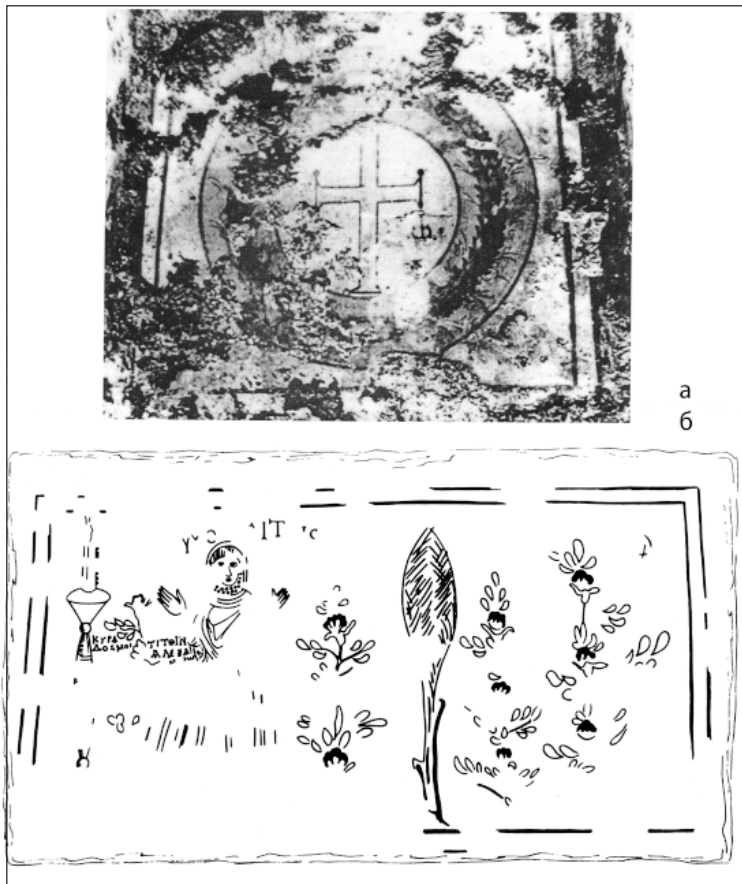

Рис. 5. Верия (Греция). Гробница № 13 середины IV в.: а – западная стена, б – северная стена [38, fig. 18, 19].

практически неизвестны в погребальных памятниках Восточно-Римской империи позднее IV в. [для балканских территорий – 24, р. 181].

Особую важность для изучения эволюции погребальной живописи имеют некрополи, расположенные на территории Болгарии, поскольку здесь открыты разновременные гробницы с росписью с IV по VI вв. Особенно показателен в этом отношении некрополь Сердики (Софии) [41; 42; 43, с. 24-30; 44]. К числу наиболее ранних памятников с христианской символикой принадлежит софийская гробница № 4, которую относят ко второй половине IV – началу V вв.

Единственная христограмма с «альфой» и «омегой» в медальоне была расположена на одной из узких стен. С обеих сторон ее окружали канделябры с горящими свечами как символ света Христа, райского света [28, с. 229, 241]. Остальные стены покрыты живописным полихромным ковром из виноградной лозы и аканфа (рис. 6) [41, с. 23-35; 44, р. 62-64]. В софийской «гробнице с архангелами» (№ 9) большой лучезарный желтый крест, украшенный жемчугом, в лавровом венке находился на кессонном своде, углы которого занимали погрудные изображения архангелов с надписями, обозначающими их имена (рис. 7) [91; 41, с. 86-105; 45, р. 5-28; 44, р. 68-72]. Стены были расписаны в виде мраморных прямоугольников, в люнетах находились изображения птиц и сосуда. В целом композиционная схема здесь построена еще по старым традициям, но ее безусловным, объединяющим центром яв-

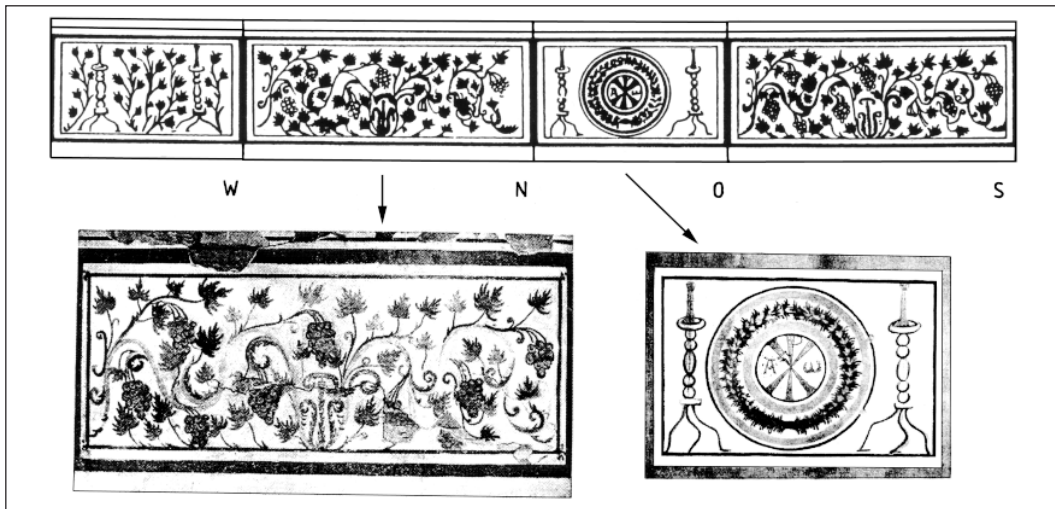

Рис. 6. София (Болгария). Гробница № 4 IV в. [41, обр. 9; 24, fig. 29].

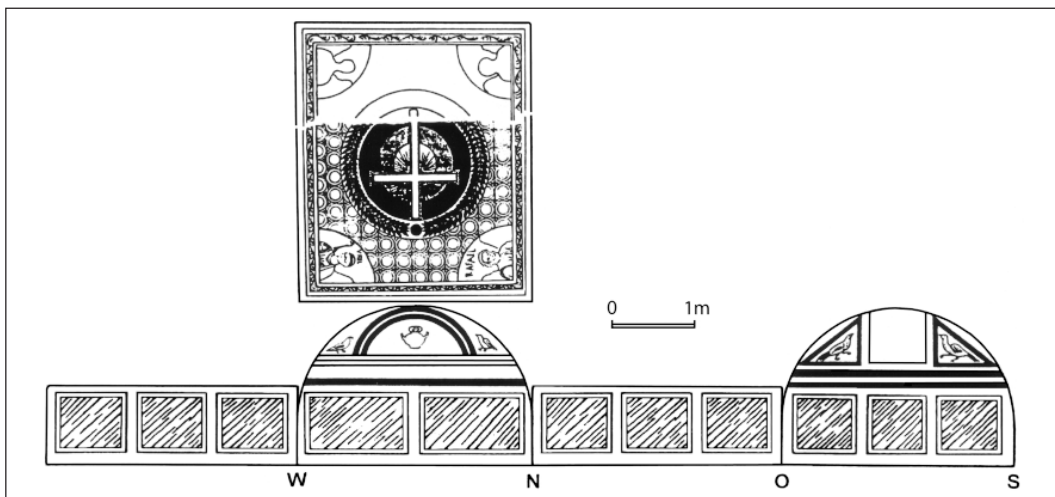
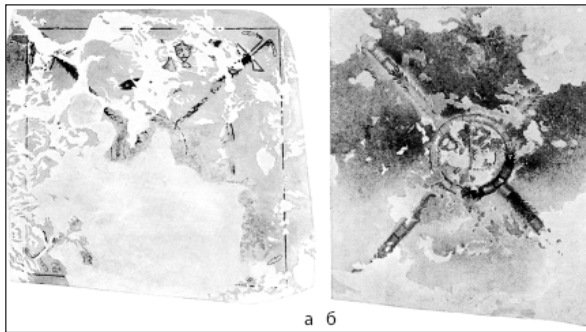

Рис. 7. София (Болгария). Гробница № 9 («с архангелами»). Вторая половина IV – первая половина V вв. [44, Taf. 35, Abb. 142].

ляется большой крест на своде. Гробница датируется различными исследователями в пределах второй половины IV – первой половины V вв. [45, р. 5; 23, р. 775; 44, р. 68-72].

Рассмотренные выше памятники во многом отличаются между собой как в композиционном, так и стилистическом решении, что придает им неповторимую индивидуальность и даже уникальность. Тем не менее, их декоративные программы выражают общую идею о воскресении и царстве небесном,

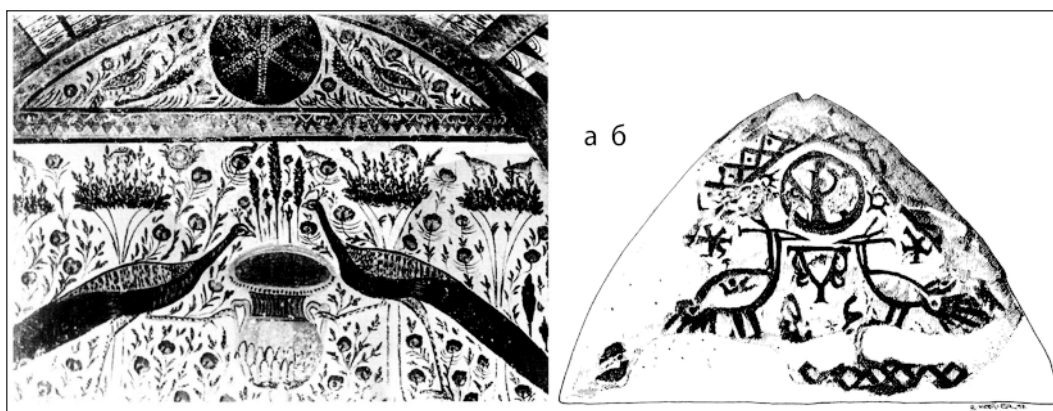
Рис. 8. Херсонес: а – склеп 1909 г., б – склеп 1904 (1853) г. [46, табл. CV,3,1].

выраженную достаточно определенным набором художественных элементов. Именно в этом ряду следует отметить и расписные склепы Херсонеса, в декоре которых присутствуют многие из уже упоминавшихся символических изображений – цветы, деревья, виноградная лоза, плоды, цветочные гирлянды, венки, различные птицы, горящие свечи, имитация мраморной облицовки, человеческие

фигуры [8, с. 449-480; 1, с. 59-72]. Среди этих символов также встречается и христограмма с буквами «альфа» и «омега» – в центре свода в венке, от которого к углам идут растительные гирлянды, перевязанные лентами. Так были украшены плафоны в склепе 1904 (1853) г. и предположительно в склепах 1907 и 1909 гг. (рис. 8) [46, табл. CV,1,3; 8, с. 454, 466; 4, с. 279]. В 2003 г. стал известен еще один склеп с христограммой в венке на потолке, стены которого подобно остальным херсонесским склепам были украшены изображениями цветов, гирлянд, а также птицы с веточкой в клюве. Этот склеп единственный среди расписных склепов Херсонеса имел эпитафию: «Аристона упокой, Господи. Душа твоя с праведными» [9, с. 190; 11, с. 46]. Выражение надежды на то, что душа покойного пребывает среди праведных, является безусловным указанием на царство небесное, райское бытие, ибо «праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (Евангелие от Матфея, 13: 43).

Росписи херсонесских склепов не всегда могут сравниться качеством исполнения и богатством декоративных элементов с продемонстрированными выше памятниками. Тем не менее, композиционное построение данных росписей и их символическое значение вполне сопоставимы с ними [4, с. 258-288]. Христианское искусство этого времени в значительной степени оставалось все еще глубоко символичным и намеренно эзотеричным, его смысл был понятен лишь посвященным, что было наследием искусства катакомбного периода и установившегося в раннехристианской общине правила *disciplina arcani* (правило о тайне) [28, с. 37-56; 22, с. 38-43]. Уровень же мастерства исполнения зависел, прежде всего, от профессиональной подготовки художника. Наглядным подтверждением может служить сопоставление двух росписей – уже упоминавшегося склепа из Никеи и гробницы третьей четверти IV в. из Штрбинци (*Štrbinci*) (район г. Даково в Хорватии) (рис. 9) [32, fig. 2; 47, fig. 3]. Они имеют очень близкую композиционную схему, в центре которой канфар с двумя павлинами по сторонам и христограмма в круге над ними.

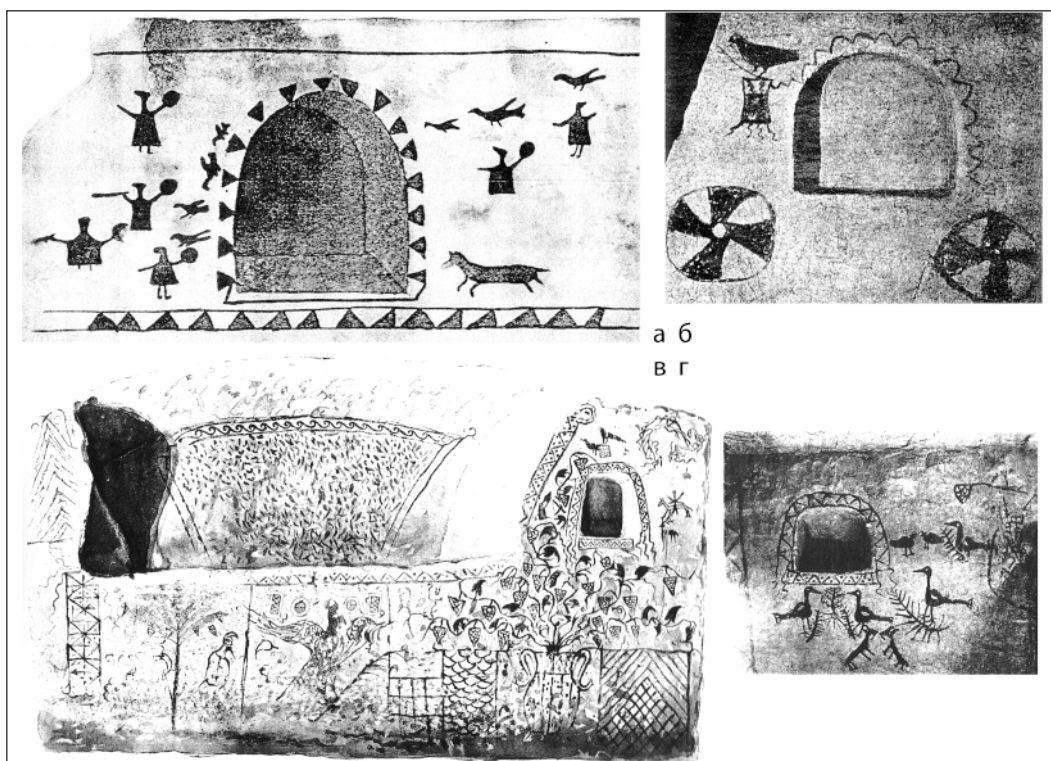

Рис. 9. Гробницы IV в.: а – Никея (Изник, Турция), б – Штрибинцы (Хорватия) [24, fig. 32; 47, fig. 3].

Однако разница в художественном воплощении одного и того же религиозно-символического замысла очевидна. Схематизм и примитивизм фрески Штрбинци объясняется тем, что она является работой местного неквалифицированного художника, который, тем не менее, был хорошо знаком с современными ему иконографическими принципами.

Примитивностью исполнения отличаются и боспорские склепы с «росписью в геометрическом стиле» [8, с. 401-434]. Как правило, эти росписи не имеют единой, четко продуманной композиционной схемы, из-за чего создается впечатление некоторой стихийности и бессистемности в расположении ее отдельных элементов. Тем не менее, концентрация основной части изображительных мотивов на противоположной от входа стене, вблизи центральной лежанки и ниши справа от нее [8, с. 427; 6, с. 78-79], свидетельствует о том, что именно это место являлось своего рода смысловым (культовым) центром декоративной программы этих склепов. Все изображения «геометрических» росписей, переданные очень схематично, условно, прежде всего, играли роль символа, своего рода шифра, передающего определенную идею. Однако расшифровка этих символов в силу их универсальности, как для языческих культов, так и для христианства, вызывает определенные сложности. В историографии пока нет единого мнения о религиозной принадлежности этих памятников. М.И. Ростовцев связывал их с фракийско-малоазийским культом Сабазия [8, с. 428-434]. Е.А. Зинько пришла к выводу о «христианской направленности этой живописи» [6, с. 78-89], что в последнее время было подвергнуто сомнению Л.Г. Хрушковой [5, с. 124-129]. Однако ставить точку в данном споре пока еще рано. Как представляется, несмотря на «полное единство техники и стиля», которое отмечал еще М.И. Ростовцев, набор элементов «геометрических» росписей не везде одинаков, что может иметь принципиальное

Рис. 10. Боспор: а – склеп 1905 г., б – склеп 1890 г. (1), в – склеп 1901 г., южная стена, г – склеп 1901 г., входная стена [46, табл. ХСІХ,1; С,2; ХСVII; ХСVIII,2; 92, рис. 6].

значение для их интерпретации. Так, из девяти склепов, описанных М.И. Ростовцевым, только в четырех (1873 г., 1890 г. (2), 1905 г., 1912 г.) фиксируются однотипные антропоморфные фигуры с «колоколообразным туловом и птичьей головой», как правило, с палкой и диском в поднятых руках⁷, пешие или на лошадях (рис. 10,а). Эти фигуры (от трех до девяти в разных склепах), как правило, изображены в сопровождении птиц⁸, другие элементы в этих склепах единичны (ветка, лошадь, полосы из треугольников). М.И. Ростовцев видел в этих сценах изображения ритуального экстатического танца под аккомпанемент оружия или музыкальных инструментов, который был характерен для некоторых малоазийских культов, в том числе и Сабазия [8, с. 428]. Ритуальный характер этих сцен, выражающих поклонение неопределенному синк-

⁷ Описаны также три фигуры в разных склепах, держащие в руках венки или музыкальные инструменты (склеп 1912 г.), лук со стрелой (склеп 1890 г. (2)), длинный узкий прогнутый предмет (змея?) (склеп 1905 г.) [8, с. 406, 419, 421].

⁸ Исключением является только роспись склепа 1912 г., состоящую исключительно из фигур – 3-х пеших и 4-х всадников [8, с. 421-423].

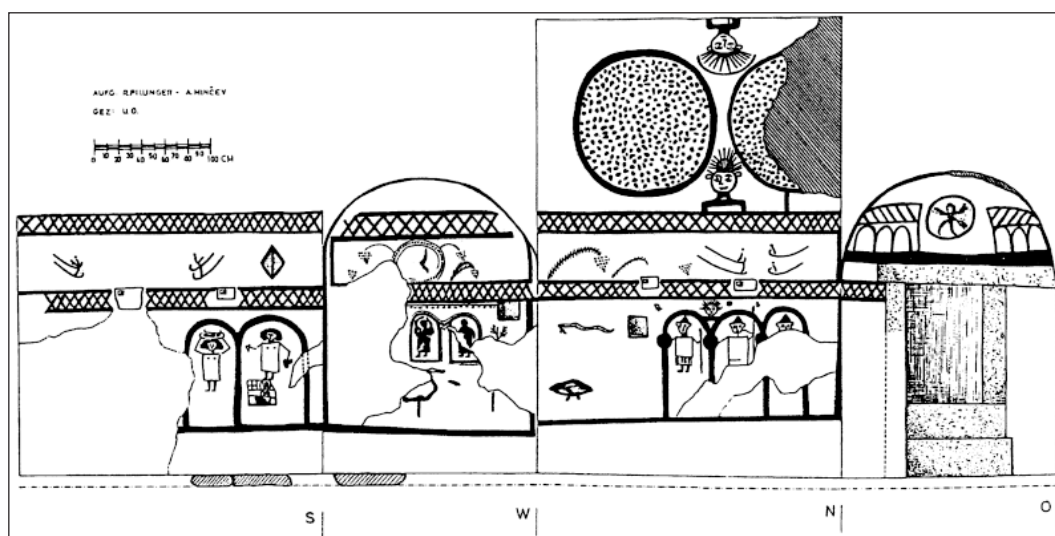

Рис. 11. Оссеново (Болгария). Гробница IV в. [44, Taf. 1, Abb. 2].

ретическому божеству, подчеркивает и Л.Г. Хрушкова [5, с. 125]. В росписи остальных склепов с «геометрической» росписью (1890 г. (1), 1894 г., 1897 г., 1901 г., 1904 г.), где совершенно отсутствуют подобные сцены, наиболее распространенными мотивами являются орнаментальные полосы из треугольников, виноградная лоза с гроздьями, иногда произрастающая из большого сосуда (склеп 1901 г., склеп 1897 г.), разнообразные птицы, в том числе сидящие на пальмовых ветвях, плывущие под парусами корабли, деревья, лошади (рис. 10, в, г). В них есть также человеческие фигуры, но совершенно другого типа по сравнению с описанными выше, кроме того, некоторые из них имели нимбы (склеп 1897 г., склеп 1901 г.). И если росписи с ритуальными плясками действительно сложно соотнести с христианскими представлениями⁹, то набор элементов второй группы склепов вполне поддается расшифровке с точки зрения христианской символики. В пользу этого могут свидетельствовать изображения крестообразных фигур в круге в некоторых склепах (1890 г., 1901 г., склеп № 2 в Китее) (рис. 10, б) [8, с. 405-406, 412-416; 6, с. 87-88; 7, с. 309-318]. Изображение креста в круге, вероятно, сопровождавшееся буквами «альфа» и «омега» (?) над плывущим кораблем с одним человеком, зафиксированы также в склепе № 2 в Китее [49, с. 229, рис. 99; 6, с. 85, рис. 4, д]. «Двойственный языческо-христианский характер» боспорских росписей

⁹ Вряд ли может считаться христианской также роспись склепа № 2 (система 2000 г.), открытого и исследованного Е.А. Зинько. Изображение над входом букрания (головы жертвенного быка), который не имеет символического значения в христианском искусстве, скорее всего, действительно является символом синкретического хтонического божества [48, с. 251].

вполне соответствует сложному переходному периоду, к которому они относятся: III в. – рубеж IV-V вв. [6, с. 88-89].

Насыщенную синкретическую иконографию, в которой смешались элементы античных культов, народных верований и христианства, имела также очень известная роспись гробницы последней четверти IV в., открытой около с. Оссеново в районе Варны (Болгария) (рис. 11) [50, р. 281-292; 51]. Как и вышеназванные памятники, она исполнена в примитивном стиле, однако в отличие от боспорских росписей покрывала все стены и свод гробницы и имела хорошо продуманную целостную композицию. Роспись наполнена разнообразными орнаментальными и символическими элементами, а также фигурными изображениями, в числе которых два антропоморфных бюста на своде, являющихся персонификацией Солнца и Луны. То, что данная гробница оформлялась для христиан, подтверждается христорогмой в круге, изображенной в восточном люнете над входом в гробницу. Примитивное исполнение объясняется работой неопытного художника [51, р. 48].

Таким образом, в погребальной живописи IV в. еще в значительной степени ощущается античное влияние и в подборе символических элементов, и в построении общей декоративной схемы. Их христианская принадлежность подтверждается, прежде всего, присутствием крестообразных знаков. Но, хотя этим элементам чаще всего и отведено важное место в композиционной схеме, абсолютной доминантой их назвать еще трудно. Как правило, христорогма или, реже, крест – лишь часть живописных композиций, насыщенных иносказательными образами и символами. Аллегория и эзотеричность все еще остаются главенствующими принципами, которыми руководствовались создатели этих произведений. Более того, далеко не все раннехристианские росписи несли в себе изображения креста или хризмы. Из одиннадцати херсонесских склепов только в двух (склеп 1904 (1853) г. и склеп 2006/2 г.) совершенно определенно и еще в четырех предположительно имелись изображения христорогм [4, с. 279; 10, с. 190]. Как уже было отмечено, очень редки изображения крестов и в боспорских склепах с «геометрической росписью». Далеко не все и софийские расписные гробницы, называемые христианскими, имели изображения христорогм или крестов. Из девяти, изданных в 1925 г. К. Миятевым, они присутствовали только в четырех (гробницы № 1, 2, 4, 9) [41, с. 5-105]. До конца остается нерешенным вопрос относительно конфессиональной принадлежности некоторых других погребальных сооружений, в росписи которых крестообразные изображения отсутствуют, но схема и набор символических элементов вполне согласуются с христианскими памятниками. Наиболее яркий пример – Силистринская гробница IV в. (Durostorum), которая по праву считается одним из выдающихся образцов позднеантичного искусства [52; 53; 42, с. 24-25; 44, р. 22-28]. В ее росписи четко и гармонично сочетаются две основные идеи, присущие для гробничной живописи этого времени, а именно: идея земного жилища и небесного рая. Элементы после-

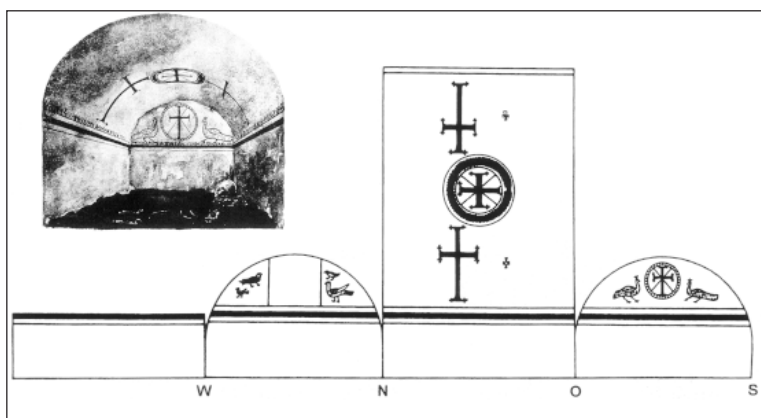

днего – цветы, разнообразные животные и птицы, помещенные в секциях кессонного свода, а также композиция западного люнета с двумя павлинами вокруг канфара, канделябры с горящими свечами по обеим сторонам входа – имеют символическое значение как в политеистическом, так и в раннехристианском мировоззрении. Поэтому религиозная неопределенность Силистринской гробницы, как, впрочем, и некоторых других, сохраняется. Тем не менее, при решении вопроса об их религиозной принадлежности важно учитывать особенности использования христианской символики в данный период.

В этой связи следует отметить, что изображения креста и христограммы присутствуют далеко не на всех произведениях искусства IV – начала V вв., христианская принадлежность которых не вызывает сомнений. Примером служат рельефные саркофаги, украшенные сценами из Ветхого и Нового Заветов, с композициями, представляющими чудеса Христа, эпизоды из жизни св. Петра, на которых нет ни одного изображения креста. Это саркофаги начала IV в. из Ватиканского музея и Национального музея в Риме, т.н. Догматический саркофаг 320-330 г., саркофаг «Двух братьев» 330-350 г., саркофаг Юния Басса около 359 г. и некоторые другие [19, fig. 35, 36, 41-43; 22, с. 35-37]. В то же время, к середине IV в. относятся два саркофага со сценами страстей Христовых из музея Ватикана, в центре композиции каждого из которых – большой крест, объединенный с хризмой в венке [20, p. 138, fig. 128]. Монограмма Христа в венке, поддерживаемом двумя ангелами, украшала детский саркофаг конца IV в., который хранится в Стамбульском археологическом музее [19, fig. 75]. Не имеют крестообразных изображений известные рельефные пластины из слоновой кости 400 г. с композицией святых жен у гроба Господня, одна из которых (из Мюнхенского национального музея) дополнена также сценой вознесения Христа [19, fig. 76, 77]. Сходство стиля и декоративных приемов второй пластины (из Миланского музея искусств) с диптихом из слоновой кости с изображениями языческих жриц конца IV в. позволило Э. Китцингеру сделать вывод об их производстве в одной мастерской, которая удовлетворяла потребности, как представителей языческой реакции, так и приверженцев христианской, в то время уже государственной религии [19, p. 39-40]. Известны и другие примеры произведений прикладного искусства этого времени, на которых христианские сюжеты, в том числе евангельские, не сопровождаются изображениями крестов или хризм [19, fig. 67, 84].

Те же тенденции можно наблюдать и на некоторых эпитафических памятниках. Так, в каталог христианских надписей Македонии Д. Фесселя вошло значительное количество эпитафий IV-V вв., которые сопровождаются крестами¹⁰ [35, № 238, 239, 243, 245, 251 и др.]. Наряду с ними существуют и те, которые совершенно лишены крестообразных символов. Это ряд эпитафий

¹⁰ Изображение креста фиксируется также на надгробных памятниках IV в. Боспора, в том числе на самом раннем из них – Евтропия, 304 г. [54, с. 12].

Рис. 12. София (Болгария). Гробница № 1 V-VI вв. [41, обр. 1; 44, Taf. 31, Abb. 116].

IV в. из могил некрополя и базилики *extra muros* города Филиппы [35, № 233, 235-237, Pl. LIV, LV]. Их христианская принадлежность подтверждается упоминанием имен священников. Одна из них, с указанием точной даты – 379 г., свидетельствует о том, что Аурелий Капитон, «пресвитер (священ-

ник) новой кафолической церкви установил» стелу своим родителям, жене и сыну [35, № 233, Pl. LIV]. Эпитафия пресвитера и врача Павла содержит молитвенную просьбу, обращенную к Иисусу Христу, в день суда не вспоминать (т.е. простить) грехи и помиловать [35, № 237, р. 201, Pl. LVI]. Таким образом, христианское вероисповедание их владельцев не оставляет сомнений. Отсутствие же крестов говорит о том, что в христианской эпитафике, как и в погребальной живописи и скульптуре, а также в других видах искусства, в IV – начале V вв. использование крестообразных символов еще не стало обязательной практикой.

Ситуация постепенно меняется на протяжении V в. Античная по происхождению декоративная живопись, даже уже наполненная новым христианским содержанием, постепенно вытесняется со стен погребальных сооружений, оставляя место главному христианскому символу – кресту, который становится абсолютной доминантой в декоративной схеме погребальной росписи. Этот сложный процесс был сравнительно затяжным, старые художественные формы изживались постепенно. Тем не менее, общая тенденция довольно хорошо прослеживается по многим памятникам.

Одним из наиболее показательных в этом отношении является уже упоминавшийся некрополь Сердики (Софии). Следующей в эволюционном ряду софийских расписных склепов (после рассмотренных выше гробниц № 4 и 9 (рис. 6, 7)) следует отметить гробницу, открытую при строительстве Национальной библиотеки в 1940 г. [55, с. 238-242; 56, с. 242-249; 23, № 10, р. 773; 44, № 59, р. 75]. Практически все исследователи датируют ее серединой V в. В росписи гробницы насчитывается пять крестов: три креста на своде в окружении восьмилучевых звезд, исполненных красной краской, один, также красный, крест над входом и еще желтый крест с греческими буквами «альфа» и «омега» в западном люнете между двумя звездами (рис. 12). В духе

античной декоративной традиции исполнен живописный фриз, идущий по периметру под сводом, с чередующимися зелеными ветвями и полихромными птицами (голуби и фазаны).

Отражением следующего этапа могут служить софийские гробницы № 1 (по К. Миятеву), № 1/1989 и № 2/1989 и гробница, опубликованная в 1976 г. [41, с. 5-14; 57, с. 51-53; 44, р. 73-75; 23, р. 774-775].

Декоративные элементы из арсенала языческого искусства в них уже явно уступают место изображениям крестов, как правило, исполненных красной краской. В гробнице № 1 на своде находились три больших креста, один из которых, центральный, в лавровом венке темно-коричневого цвета, и два маленьких крестика. Еще один большой крест в медальоне – в люнете между двумя схематически изображенными птицами черного цвета. По периметру под сводом была начертана надпись, которая осталась незадокументированной (рис. 12). В так называемой гробнице Гонория (2/1989) пять больших крестов были дополнены, довольно хаотично, цветочными розетками, листиками и ветвью зеленого и красного цвета и надписями

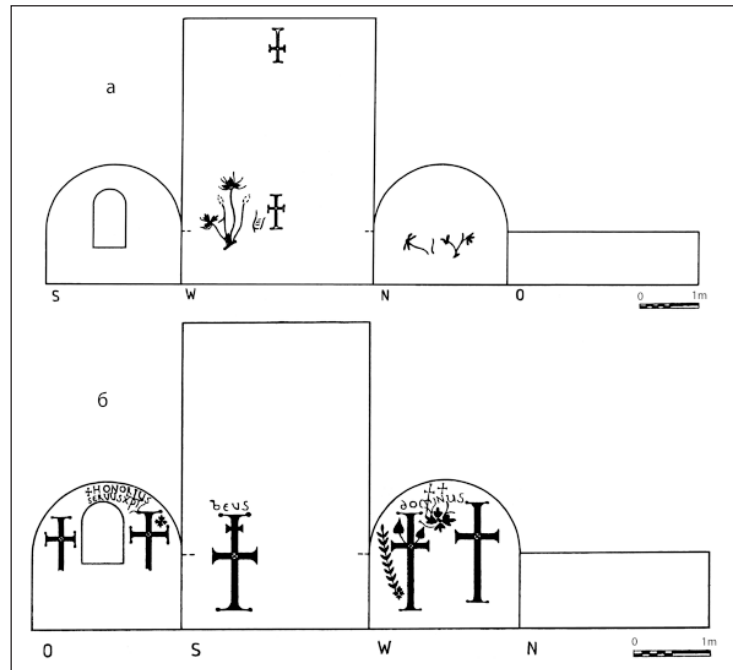

Рис. 13. София (Болгария): Гробницы V-VI вв.: а – 1/1989, б – 2/1989 [44, Taf. 36, Abb. 151].

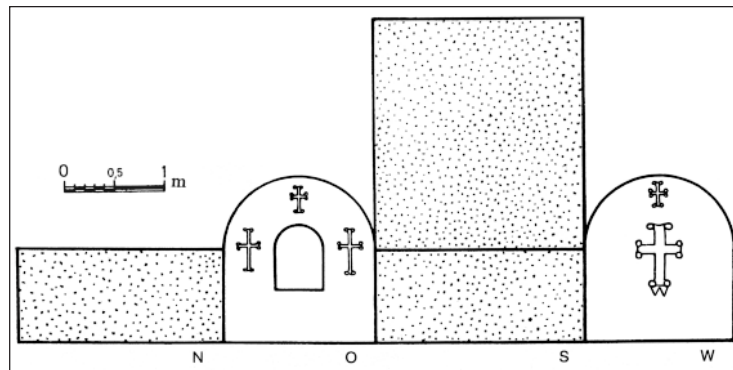

Рис. 14. Диаклеотианополис (Хисар, Болгария). Гробница V-VI вв. [44, Taf. 26, Abb. 102].

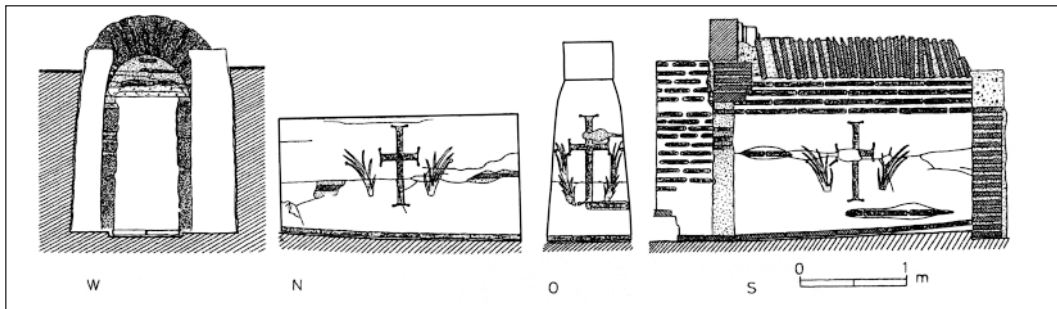

Рис. 15. Сандански (Болгария). Гробница V-VI вв. [44, Taf. 48, Abb. 204].

(«Гонорий, слуга Христа», «Господин», «Бог»), которые сопровождалась небольшими крестами (рис. 13). В росписи гробницы, опубликованной в 1976 г., зафиксированы только кресты красного цвета – три в люнете и один на своде. Крест на своде, украшенный драгоценными камнями, и центральный крест в медальоне в люнете были изображены на голубом фоне. Перечисленные гробницы датируются различными исследователями V-VI вв. [44, р. 62, 74, 77] или только VI в. [41, с. 14; 57, с. 52; 23, р. 774; 24, р. 193].

Помимо Софийского некрополя, близкие по оформлению памятники известны также в других балканских центрах. Среди них отметим гробницу некрополя Диаклетианополиса (Хисар, Болгария), восточная и западная стены которой украшены 5 крестами, декор остальных стен и свода составляли исключительно красные точки (рис. 14) [44, р. 51; 23, р. № 9]. Растительные мотивы в виде зеленых кустов сохранились в росписи гробницы близ г. Сандански (Болгария). Они украшали большие кресты красного цвета, расположенные на трех стенах (рис. 15) [58, с. 222-224; 44, р. 92]. К этому же кругу памятников следует причислить и

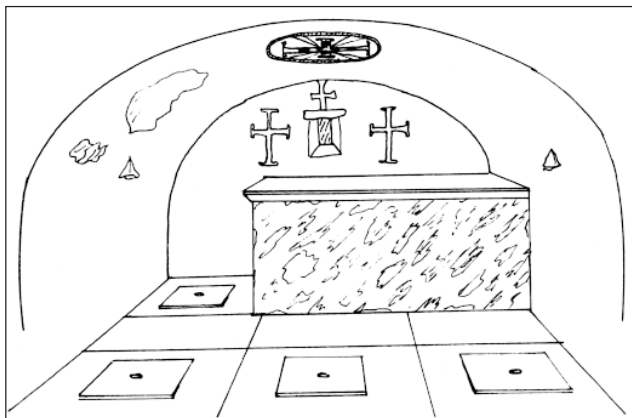

Рис. 16. Сехремини (Турция). Гробница V в. [93, fig. 7].

гробницу в Сехремини (Sehremeni) (район Константинополя) (рис. 16) [59, р. 131-139; 23, № 79]. В ее полихромной росписи также зафиксировано несколько крестов – один лучезарный, украшенный драгоценными камнями, в круге на синем фоне занимал центр свода, 3 креста желтого цвета располагались в люнете. Вероятно, еще одно изображение креста или сосуда между двумя птицами было помещено над входом [59, р. 134]. Находящийся

ся внутри гробницы саркофаг имел роспись, имитирующую зеленый мрамор. Полихромия росписи может свидетельствовать в пользу датировки гробницы V в., а обилие крестов, практически вытеснивших другие декоративные элементы, указывает, скорее всего, на вторую половину V в. Второй половиной V или началом VI вв. датируется крипта Халкопратийской базилики (450-460 гг.) в Константинополе, стены которой были украшены исключительно большими красными крестами, по одному на каждой стене [60, р. 587-594]. Наиболее поздним из хорошо датированных памятников рассмотренного круга является склеп некрополя Аксиополиса (Сернавода, Румыния), дату которого определяет археологический материал, в частности золотой крест с каменной вставкой конца VI – начала VII вв. [61, р. 2578-2587]. Его роспись состоит из чередования крестов и деревьев, исполненных красной краской очень схематично, неумело и даже небрежно, на что указывают потеки краски (рис. 17).

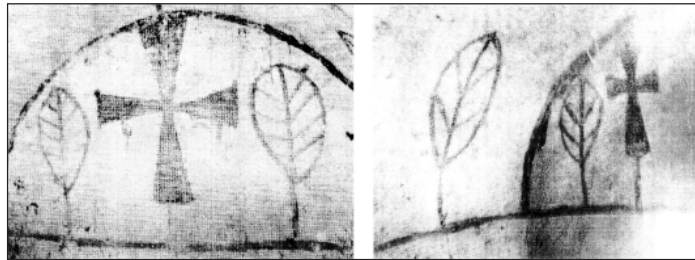

Рис. 17. Аксиополис (Сернавода, Румыния). Гробница конца VI в. [61, fig. 10, 12].

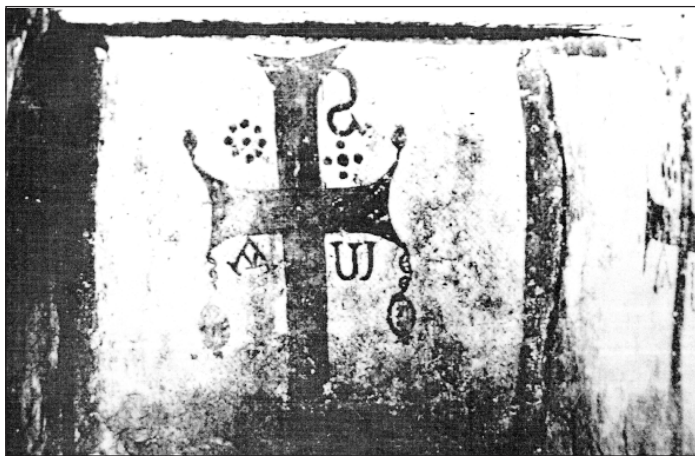

Рис. 18. Филиппы (Греция). Гробница с крестами [38, fig. 16].

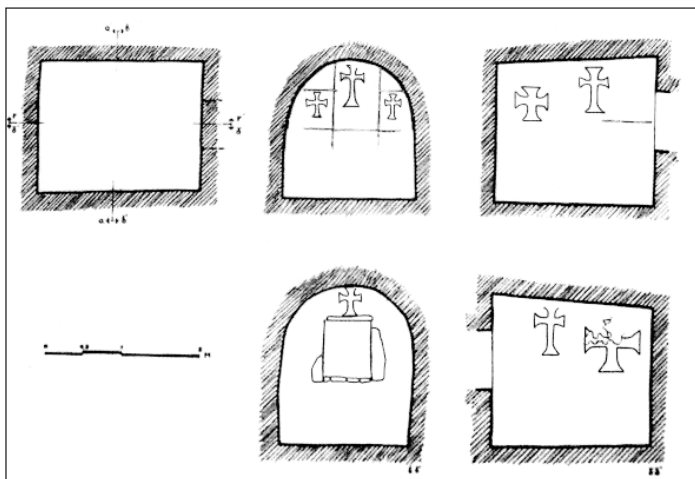
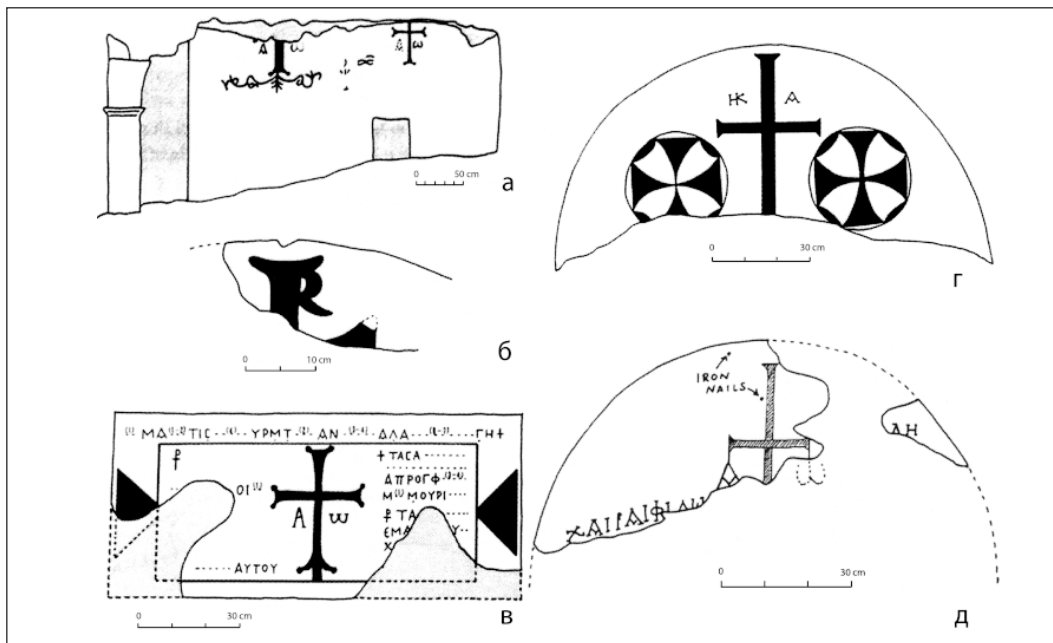

Рис. 19. Криниды (Греция). Гробница с крестами [62, ел. 2].

Рис. 20. Остров Гемилер (св. Николая) (Турция). Росписи VI в.: а-б – гробницы, в – коридор между церквями III и IV, г-д – люнеты в домах [63, р. 119-124].

Прослеженная тенденция отразилась и на ряде памятников греческих некрополей. Примерами служат гробница г. Филиппы с большими монограмматическими крестами с «альфой» и «омегай», по крайней мере, на двух стенах (рис. 18) [38, fig. 16] и склеп с 8 разновеликими крестами на стенах из некрополя г. Криниды (рис. 19) [62, р. 354].

К рассматриваемой группе памятников следует также отнести расписные гробницы, обнаруженные японскими археологами в 1991-1992 гг. на острове Гемилер (св. Николая) у побережья малоазийской Ликии недалеко от современного местечка Олюдениз [63]. На небольшом по площади острове, который в византийский период был паломническим и мемориальным центром, открыты комплексы 4 церквей и многочисленные погребения. В предварительном издании этих памятников отмечается, что некоторые гробницы были украшены крестами, в том числе в сопровождении греческих букв «альфа» и «омега», а также с придатком в виде буквы R, обозначающим монограмму Христа (рис. 20, а, б) [63, р. 123-124]. Изображения крестов в сопровождении надписей зафиксированы также на стенах некоторых домов¹¹ и сводчатого

¹¹ В одном из домов кресты были расположены с двух сторон над входом и над окном. Назначение этих сооружений до конца неясно [63, р. 120-122].

коридора, проходящего между церквями III и IV, которые датируются VI в. (рис. 20, в-д) [63, р. 118-122].

Аналогичные тенденции в оформлении погребальных сооружений отразились также в памятниках Ближнего Востока. К их числу принадлежит

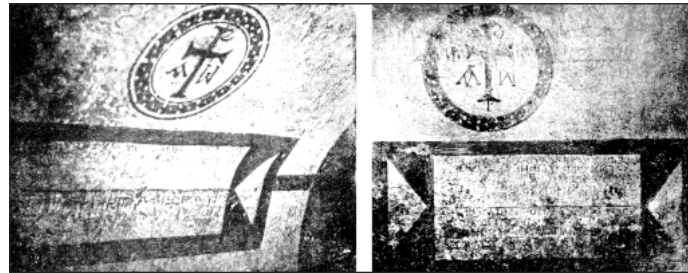

Рис. 21. Баб Сба (г. Хомс, Сирия) [64, pl. IV, 1, 2].

подземная погребальная часовня, открытая в районе Баб Сба вблизи Эмеса (современный г. Хомс, Сирия) [64, р. 3-16; 65, р. 469-476]. Над четырьмя саркофагами, расположенными вдоль западной и северной стен, а также внутри и над небольшой нишей-алтарем в восточной стене, по выбеленной штукатурке в схематичных венках красного цвета, заполненных разноцветными точками, были изображены кресты двух типов: монограмматические с «альфой» и «омега» (рис. 21) и удлиненные с расширяющимися ветвями и жемчужинами на концах. Большой восьмилучевой крест, окруженный несколькими концентрическими окружностями красного и черного цветов, также украшал свод часовни. Под изображениями крестов на западной и северной стенах в красных прямоугольниках зафиксированы 6 эпитафий с указанием точных дат смерти погребенных, самая ранняя из которых 459 (?) г. и самая поздняя 514 г. [64, р. 9-14]. Поскольку, согласно эпитафиям умершие являлись

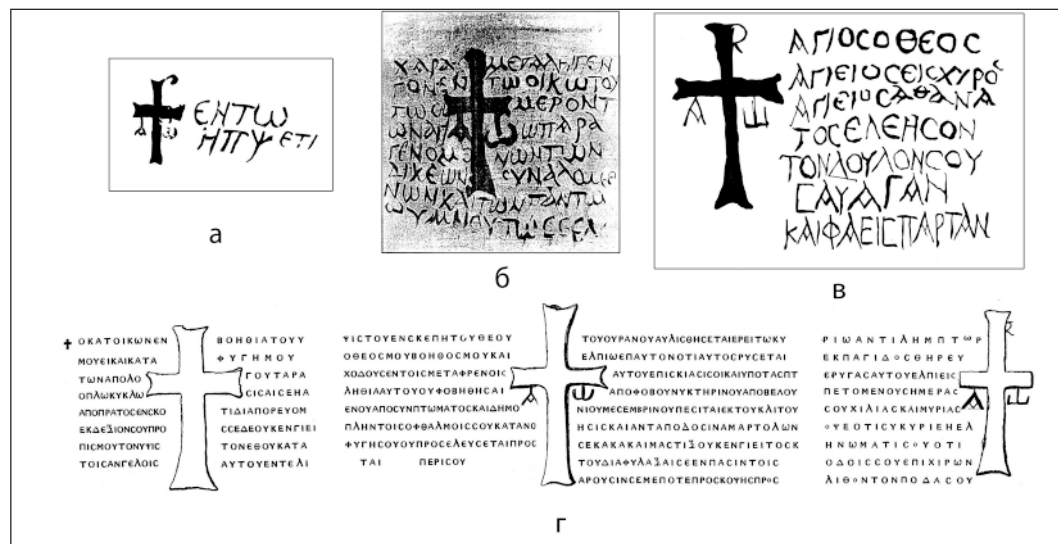
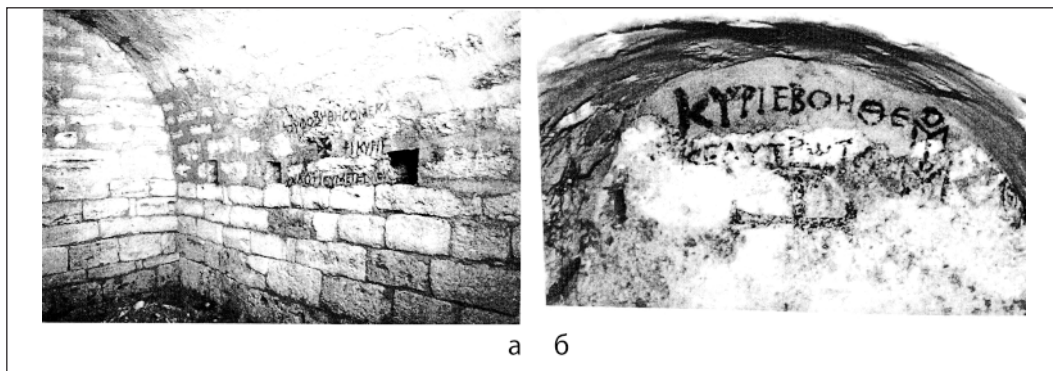

Рис. 22. Боспор. Склеп 1890 г. (491 г.) [66, табл. Б, II, III].

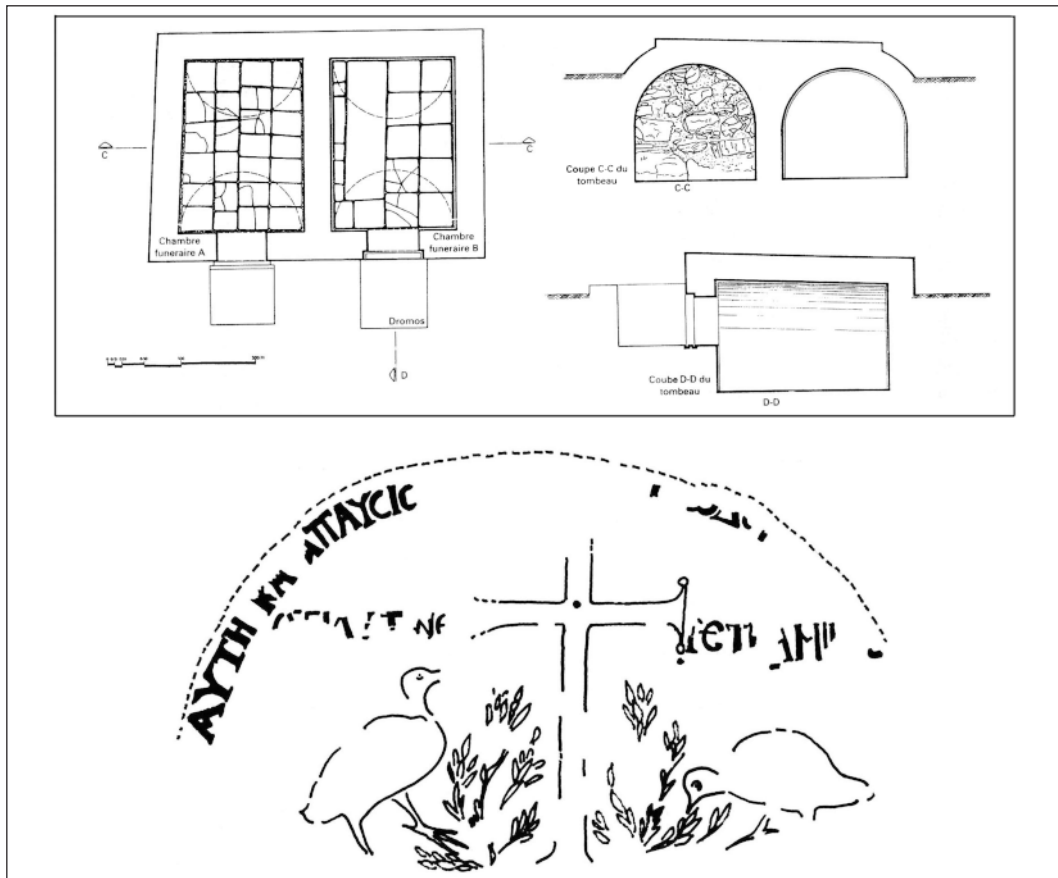
Рис. 23. Каллатис (Мангалия, Румыния). Гробница VI в.: а – люнет над входом, б – западная стена [74, Abb. 14, 17].

монахами, исследователи видят в данном памятнике монастырскую погребальную часовню [64, р. 13; 65, р. 469]. Помимо крестов, стены украшали редкие изображения пальмовых ветвей, вероятно, зеленого цвета. Восточную нишу окружали схематично нарисованные колонки с капителями и очень стилизованная арка. По выражению М. Бюисона и П.Р. Мутерда, не перегруженный, монотонный декор часовни «напоминает сухость каппадокийской живописи времен иконоборчества» [64, р. 16]. Оформление часовни, вероятно, следует связывать с наиболее ранним захоронением и датировать концом 50-х гг. V в.

Изменения в раннехристианском погребальном декоре наблюдаются и в расписных боспорских склепах. Позднеантичная роспись в «геометрическом» стиле, как уже отмечалось ранее, по хронологии Е.А. Зинько, бытует до начала V в. К последней четверти IV – первой половине V вв. исследовательница относит склепы с христианскими граффити, а также склеп 1912 г. с рельефным изображением креста и птиц над входом. Второй половиной V – первой половиной VI вв. датируются склепы, роспись которых состояла, главным образом, из крестов. Ярким примером служит склеп № 16 «Системы 2000 г.», открытый под руководством Е.А. Зинько. На его стенах и своде зафиксированы шесть крестов [7, с. 311; 3, с. 62-63]. Таким образом, на протяжении V – первой половины VI вв., как заключает Е.А. Зинько, в росписи боспорских склепов прослеживается тенденция к ее упрощению и «сохранению в конечном результате одного главного символа – креста» [6, с. 89; 7, с. 318; 3, с. 65].

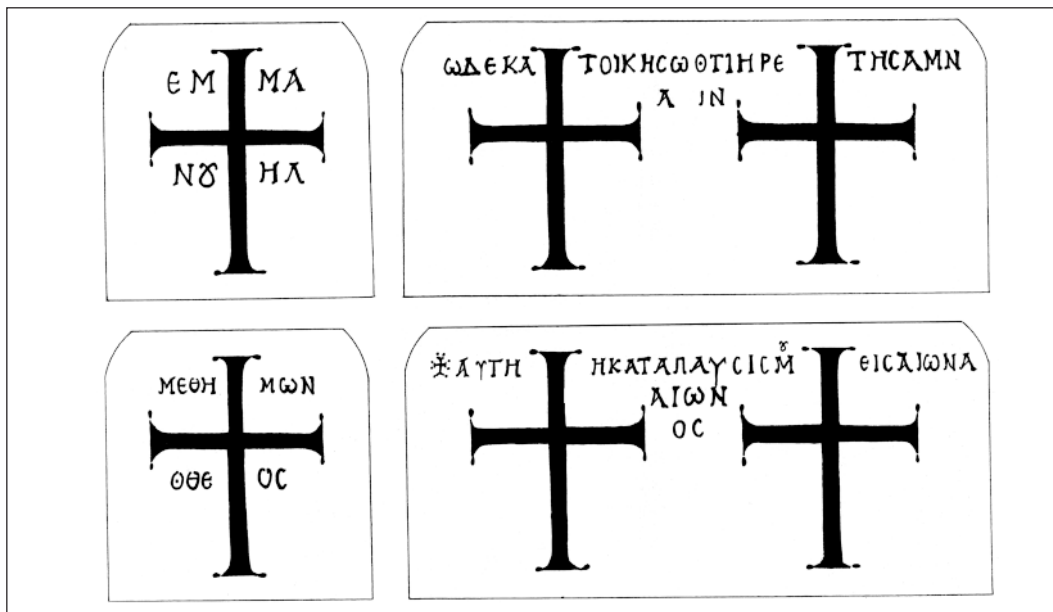
В росписи наиболее известных керченских склепов – 1890 и 1895 гг. – изображения крестов дополнялись греческими текстами, которые были прочитаны и отождествлены с псалмами и молитвами Ю.А. Кулаковским, исследователем и издателем этих памятников [66; 67, с. 61-67]. Кресты и надписи в обоих склепах исполнены непосредственно по глине красной краской. В склепе 1890 г. роспись покрывала входную стену и стены трех лежанок (рис. 22). Все-

Рис. 24. Лулудия (Греция). Гробница третьей четверти VI в. Роспись западной стены камеры В [69, fig. 4; 75, fig. 1].

го зафиксировано 15 нарисованных крестов, из них 7 имели самостоятельное значение, остальные находились в начале или конце надписи [66, с. 17-20]. Рельефный крест, обведенный красной краской, находился также на большой плите, закрывавшей вход в склеп [66, с. 3]. Надписи на стенах представляли собой 2 молитвы и цитаты из 4 псалмов [66, с. 4-9]. Кроме того, надпись в левой нише заключала в себе точную дату, обозначающую 491 г. н.э. (рис. 22,а). В конце молитвы «Трисвятое» в центральной нише упоминались имена погребенных – Саваг и Фаиспарта (рис. 22,в). На правой стене левой ниши по обеим сторонам креста находился текст молитвы-стихиры погребального чина того времени (рис. 22,б). Главное место было отведено 90-му псалму, исполненному на стенах центральной и правой ниш (рис. 22,г). Над входной дверью были начертаны два последних стиха 120-го псалма, а на карнизах над левой и правой нишами – соответственно первая и вторая части первого

Рис. 25. Старая Загора (Болгария). Гробница с крестами и псалмами. Конец V–VI вв. [4, Taf. 16, Abb. 66-69].

стиха 26-го псалма. Остатки надписи из нескольких букв были зафиксированы и на карнизе над центральной нишей. По предположению Ю.А. Кулаковского, они могли составлять фразу «Господи, услышь молитву мою», которую он связывает с началом 101-го псалма (101:2) [66, с. 9]. Отметим, что этот молитвенный призыв входит также и в другие псалмы¹².

Роспись склепа 1895 г. аналогична по характеру вышеописанному, хотя по набору надписей она беднее и хуже сохранилась. Там зафиксированы только тексты молитвы «Трисвятое» в центральной нише против входа и 90-го псалма на стенах всех трех ниш, а также четыре креста [67, с. 61-67]. Нет никакого сомнения, что эти два памятника одного времени.

Все большие кресты, имеющие значение самостоятельного декора, в этих двух склепах представляют собой тип удлиненного креста (*crux immissa*) с расширенными концами¹³. Подобные кресты известны уже в памятниках IV в. (рис. 4, 5, 7)¹⁴, однако в этот период более популярным было изображение

¹² В греческом переводе (в Септуагинте) наиболее близкими 2-му стиху 101-го псалма являются псалмы: 38:13, 53:4 и 142:1 [68]. Наиболее точно воспроизводит реконструкцию надписи, предлагаемую Ю.А. Кулаковским, 1-й стих 142-го псалма [66, с. 9].

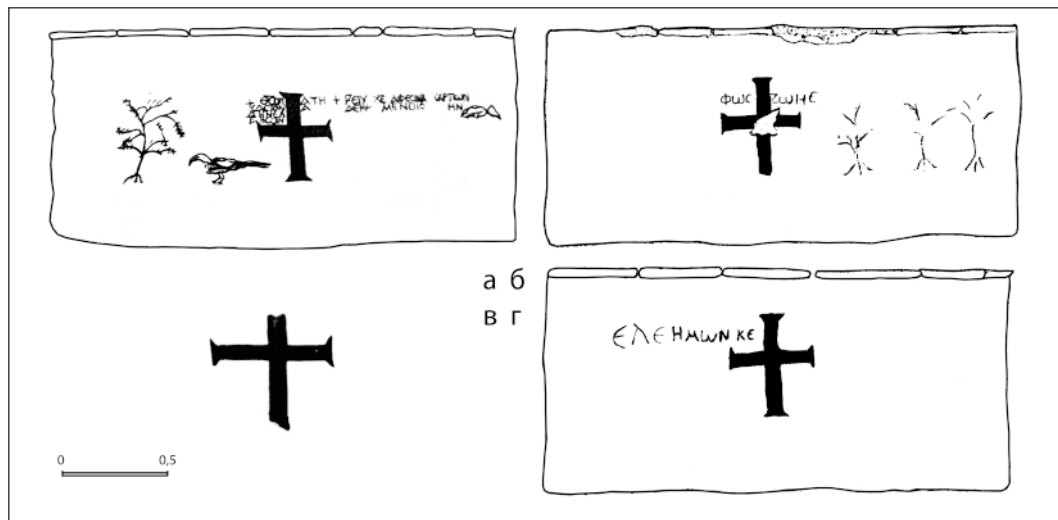
¹³ В западной научной литературе данный тип креста часто называют латинским крестом [69, р. 22; 44, р. 38, 60; 23, р. 774-779].

¹⁴ Э. Динклер появление данной формы креста относит к концу IV в. [27, р. 569-570].

христограммы (рис. 1-3, 6, 8, 9, 11). Удлиненный крест с расширенными концами становится доминирующим типом в оформлении погребальных сооружений в V-VI вв.¹⁵ (рис. 12-25). В отличие от крестов керченских склепов, многие из них имели каплевидные украшения (рис. 12-16, 18, 23, 24), которые в православной традиции ассоциируются с каплями крови, пролитой Иисусом Христом на кресте [70]. В зарубежной литературе они чаще всего называются жемчужинами [30, р. 276; 41, с. 7; 57, с. 52; 44, р. 50, 73]. Пять крестов керченского склепа 1890 г. сопровождалась греческими буквами «альфа» и «омега», которые довольно часто дополняют изображения креста и христограмм, что подтверждают и уже приведенные памятники (рис. 3, 5, 6, 8, 18, 20). Их появление в сочетании с крестообразными элементами связывают с противостоянием арианской ереси, как указание на единосущие Иисуса Христа с Богом Отцом [71, с. 834]. Употребление букв «альфа» и «омега» чаще всего объясняется их апокалипсическим значением [23, р. 766; 44, р. 76]. В Откровении Иоанна Богослова эти буквы обозначают Бога: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь» (1:8; 21:6), «Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний» (1:10), «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний» (22:13). Три самостоятельных креста из керченского склепа 1890 г. являлись монограмматическими (сгих *monogrammatica*), т.к. имели дополнение в верхней части в виде буквы R, которая несет в себе монограмму имени Христа [66, с. 18-19]. Аналогичные монограмматические кресты присутствовали в росписи гробниц на о. Гемилер (рис. 22,б), на некрополе г. Филиппы (рис. 18) и в погребальной часовне из Эмесы (Баб Сба) (рис. 21). В первых двух примерах кресты с расширенными и вогнутыми, подобно керченским, краями, кресты из Филипп и Эмесы имеют апокалипсические буквы. Таким образом, оформители керченских склепов использовали форму креста и сопровождающие его элементы, широко используемые в V-VI вв.

Второй составляющей росписи керченских склепов 1890 и 1895 гг. были надписи псалмов и молитв. Молитвы и «песнопения подобные по своему внутреннему значению псалмам в слове Божиим» в качестве чрезвычайно важной составляющей христианского погребального обряда упоминает Псевдо-Дионисий Ареопагит [72, *гл. 7, II-III*]. На основании письменных источников Ю.А. Кулаковский приходит к выводу, что псалмы занимали видное место в погребальном чине уже со второй половины IV и в V вв. [66, с. 10-13]. Вполне возможно, что тот набор священных текстов, который фигурирует в керченских склепах, мог быть составной частью погребальной церемонии. Так, псалом 90-й и молитва «Трисвятое» занимают важное место в современном православном обряде погребения (а именно: в приготовлении тела к погребению

¹⁵ Этот тип креста был наиболее распространенным и в христианской эпиграфике V-VI вв. [например: 35, № 2, 14, 26, 36, 38, 41, 42, 46, 47, 52, 66, 69, 149, 151, 172, 176, 185, 186, 188, 194, 220, 243, 245, 250 и др.].

Рис. 26. Стамата (Греция). Двойная гробница VI в.: а – северная стена гробницы I, б – южная стена гробницы I, в – поперечная стена гробницы I, г – южная стена гробницы II [79, еик. 3-5].

и в отпевании). Присутствие же этих текстов в керченских склепах свидетельствует об их использовании в погребальном обряде и в конце V в. Начало 26-го псалма («Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться?»), которое начертано на карнизе над левой нишей склепа 1890 г. [66, с. 9, 13], цитирует Иоанн Златоуст в одном из своих слов об умерших [73], что также может служить намеком на то, что данный стих занимал определенное место в обряде погребения христиан конца IV-V вв.

Известен ряд других памятников, оформление которых состояло из крестов и текстов псалмов и молитв, причем также выполненных красной краской. В гробнице конца V – начала VI вв., открытой на некрополе античного Каллатиса (Мангалия, Румыния), изображения крестов с расширенными концами присутствовали не только в самой камере, но и на стенах дромоса, который в нее вел [61, р. 2591-2593; 74, р. 97-102]. Над входом крест сопровождала греческая надпись, заключавшая в себе молитвенное воззвание «Господи, поспеши мне на помощь и избави меня» (рис. 23). Издатели этой гробницы отмечают, что оно близко по смыслу 6-му стиху 69-го псалма («Боже, поспеши ко мне! Ты помощь моя и Избавитель мой») и второй части 11-го стиха 25-го псалма («избавь меня, и помилуй меня») [74, р. 99]. Близким также представляется стих 14-й 39-го псалма: «Благоволи, Господи, избавить меня; Господи, поспеши на помощь мне». По одному кресту было на каждой стене камеры, на западной, кроме того, была надпись: «Не убоюсь, Господи, потому что ты со мной», которая примерно воспроизводит 4-й стих 22-го псалма, являвшийся частью погребальной литургии с конца IV в.

Рис. 27. Саламис (Констанция, Кипр). Святилище VI в. [81, fig. 7, 8, 10].

[74, р. 100]. По смыслу эта надпись близка также 1-му стиху 26-го псалма, который присутствует в керченском склепе 491 г. [66, с. 9].

Двойная гробница с росписью располагалась в атриуме епископальной базилики в Лулудии (45 км к юго-западу от Фессалоник, Греция). Она была сооружена после разрушения базилики, скорее всего, в третьей четверти VI в. [69, р. 19-23]. Роспись зафиксирована только в одной камере «В», над входом которой был высечен крест. На ее стенах изображено пять красных удлиненных крестов с расширяющимися ветвями, украшенными жемчужинами – по одному кресту с обеих сторон входа и на каждой из трех остальных стен [69, р. 22]. От основания каждого креста нарисованы ветви цветущего лавра с листьями. На западной стене располагалась центральная композиция, в которой крест и ветви лавра дополняли две куропатки, клюющие растения (рис. 24). В верхней части

композиции была начертана красной краской надпись: «Вот место моего покоя навеки вечные, здесь вселюсь, ибо я его выбрал», которая является редакцией 14-го стиха 131-го псалма [75, р. 31-32].

Содержание 14-го стиха 131-го псалма отражено в надписях еще двух погребальных сооружений второй половины V-VI вв. Одно из них – монументальная гробница в г. Юргюп в Каппадокии (Малая Азия) [76, р. 25-30; 75, р. 35]. Она была высечена в скале во II-III вв. как языческая семейная усыпальница и впоследствии перешла христианам. В обширном вестибюле этого сооружения сохранились остатки трех христианских надписей, выполненных красной краской. Одна из них над входом в погребальную камеру была текстом 14-го стиха 131-го псалма и сопровождалась двумя крестами (один удлиненный крест в начале надписи, другой поменьше в конце третьей строки) [76, р. 27, fig. 6; 75, р. 35, fig. 5]. Вероятно, одновременны надписям два больших нарисованных креста в том же вестибюле – удлиненный крест справа от двери и равносторонний с расширенными лопастями (т.н. мальтийский) крест в медальоне на потолке [76, р. 29].

Еще одна гробница, на стенах которой зафиксирован текст 14-го стиха 131-го псалма, открыта в нартексе тетраконха в Старой Загоре (Augusta Traiana), на территории Болгарии [77; 78; 23, № 6, 7; 44, № 28, р. 38-39]. Она была украшена шестью большими крестами в сопровождении надписей (рис. 25). Две фразы, составляющие по смыслу упомянутый стих, располагались на продольных стенах между двумя крестами: первая часть на северной стене и вторая – на южной. На восточной и западной коротких стенах вокруг крестов читаются надписи: «Эммануил» и «Господи, помилуй». В нартексе того же тетраконха открыты еще три гробницы, на продольных стенах одной (№ 4) из них было нарисовано по одному кресту. Обе могилы датируются концом V или VI вв. [44, № 28, 29, р. 39].

Помимо отмеченных гробниц, известно еще 5 эпитафических памятников погребального характера, в текстах которых присутствуют строки 14-го стиха 131-го псалма [75, р. 32-38]. По мнению Р. Пиллингер, 131-й псалом являлся составной частью погребальной литургии, а кресты в контексте надписей символизировали победу над смертью [77, р. 135; 78, р. 63].

Кресты и сакральные тексты зафиксированы также на стенах двойной гробницы из греческого города Стамата (в 23 км к северо-востоку от г. Афины). Она была открыта в 1986 г. при раскопках к востоку от апсиды трехнефной базилики [79, р. 90-92]. С 1996 г. находится в экспозиции Византийского музея в Афинах. На каждой стене обеих гробниц было нарисовано по одному кресту с расширяющимися концами, которые в трех случаях сопровождались надписями и фигурными изображениями. В гробнице II зафиксирована одна надпись «Милосердный Господи»¹⁶ на южной продольной стене слева от кре-

---

¹⁶ Выражаю благодарность В.А. Сидоренко за помощь в переводе надписей гробниц из Стаматы.

ста (рис. 26,з). В гробнице I на северной продольной стене по обе стороны от креста начертаны молитвенные обращения: «Боже всевышний, вволю прояви свое сострадание» и «Господи, Иисус Христос, отпущение грехов почившим, аминь», слева изображения ветвистого деревца и птицы, справа под надписью – рыбы (рис. 26,а). На южной стене по обеим сторонам креста – слова «Свет жизни» (рис. 26,б). Не исключено, что источником этих слов является Евангелие от Иоанна (8:12): «Я свет миру; кто последует за мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь **свет жизни**». Справа от креста сохранились остатки трех нарисованных деревьев. Все фигурные изображения так же, как надписи и кресты, нанесены темно-красной краской и отличаются сухостью исполнения. На основании археологических находок (золотые серьги, ликиф с волнообразными линиями) гробницы датированы VI в. [79, р. 91].

В эту же группу погребальных памятников с многочисленными крестами и христианскими текстами входит и упомянутая выше софийская гробница № 1 с тремя крестами и павлинами (рис. 12), под сводом которой по периметру была начертана надпись, оставшаяся непрочитанной. Исходя из аналогии с другими памятниками, исследователи допускают, что она вполне могла быть цитатой из Псалтыри [30, р. 280; 44, № 43, р. 61].

В зарубежной историографии возникло предположение, что погребальные сооружения, в оформлении которых наряду с крестами используются также сакральные тексты – молитвы и цитаты из псалмов, были предназначены для священнослужителей и являлись преимущественно епископскими захоронениями [77, р. 136; 78, с. 63; 24, р. 193]. Однако подобное заключение вряд ли правомерно для всех памятников такого рода. Как уже отмечалось, в одной из надписей боспорского склепа 1890 г. (491 г.) упомянуты имена погребенных – Саваг и Фаиспарта (рис. 22,е) [66, с. 6]. По результатам исследований ряда эпиграфических памятников, на которых встречается имя Саваг, Ю.Г. Виноградову удалось воссоздать важные вехи биографии этого человека. Скорее всего, не позднее, чем с 478/9 г. он занимал пост комита в центральной администрации Боспора [80, с. 235-241] и, следовательно, не мог принадлежать к клиру. Таким образом, начертание священных текстов на стенах погребального сооружения было позволительно как священникам, так и мирянам.

Изображения крестов в сопровождении текстов псалмов и молитв встречаются не только в погребальных памятниках, но и в других сакральных объектах, например, часовнях, святилищах. А. Грабар приводит многочисленные примеры подобного декора египетских и каппадокийских часовен VI-VII вв., при этом способ освящать их стены текстами молитв он считает заимствованием именно из погребального декора [30, р. 280-285].

Интересно в этой связи упомянуть еще об одном памятнике, характер декора которого вполне сопоставим с оформлением рассмотренных гробничных сооружений. Это античная цистерна в Саламис-Констанции на Кипре,

превращенная в середине VI в. в небольшое святилище с целебной водой (священным источником) [81, р. 61-83]. Среди надписей, зафиксированных на его стенах, особый интерес представляют цитаты из Псалтыри и Ветхого Завета, которые использовались в обряде торжественного освящения воды, а следовательно, подтверждают функциональное назначение данного сооружения. Так, арочный проем западной стены окаймляет надпись («Елисей говорит + так говорит Господь + я исцеляю эти воды»), передающая смысл стиха из IV книги Царств (2:21). Над арочным проемом по обе стороны удлиненного креста с «альфой» и «омегой» находится воззвание: «Помоги Константин и своим знаком» (т.е. крестом) (рис. 27,е) [81, р. 66, 68, fig. 7-10]. На левой (южной) и правой (северной) стенах от арки фиксируются две фразы из 3-го стиха 28-го псалма («Глас Господень над водами» и «Господь над водами многими»); под ними – надписи, упоминающие имена святых апостола Варнаву и епископа Епифания Великого, которые теснейшим образом связаны с историей христианства на Кипре (рис. 27,а,б). В начале, в конце, иногда в середине надписей стоят кресты. По три креста также расположены на стенах между дверными проемами [81, р. 70]. Все кресты и надписи исполнены красной краской. Совершенно иной характер декорации имеет восточная стена этого святилища. Здесь представлено изображение Иисуса Христа с бородой в круглом медальоне с крестчатым нимбом, а под ним очень живописная и реалистичная роспись с плавающими в воде водяными растениями (кувшинки или лотос), птицами (утка на кладке яиц, фламинго) и рыбами, которую М. Сакопуло рассматривает как нильский пейзаж, очень популярный в египетском искусстве V-VI вв. [81, р. 77, 81]. Пейзаж окаймляет бордюр с молитвенными воззваниями к Христу [81, р. 62-64]. Таким образом, в оформлении данного памятника можно наблюдать сразу несколько декоративных традиций – погребальную (тексты и кресты на западной, южной и северной стенах), церковную (икона Христа на восточной стене) и светскую (нильский пейзаж на восточной стене).

* * *

Представленный ряд памятников со всей очевидностью демонстрирует характер тех изменений, которые произошли в оформлении погребальных сооружений довольно обширного региона Восточно-Римской империи на протяжении IV-VI вв. С гробничных стен и сводов постепенно исчезает полихромная живопись с ее символическими картинами рая, насыщенными яркими образами флоры и фауны. Ее отдельные элементы (птицы, деревья) еще появляются в некоторых росписях, но, зачастую теперь они до предела схематизированы, превращены в своего рода визуальные знаки, лишённые какой-либо художественной значимости (рис. 17, 26). В композиционной схеме они теперь лишь дополнения, без которых декоративная программа не меняет своей сути, и полностью подчинены центральной фигуре – кресту. Теперь именно крест становится главенствующим и мно-

гократно повторяющимся элементом. Если в гробницах IV – начала V вв. христорограмма или крест, как правило, представлены единожды, реже дважды, то на протяжении V-VI вв. их количество в одном памятнике значительно возрастает. Аналогичная тенденция наблюдается и в христианской эпиграфике. Если в ранний период, как уже отмечалось, христианские эпитафии из македонских некрополей могли и не иметь крестных знаков, то среди надгробных стел V-VI вв. наиболее типичными становятся те, на которых три самостоятельных креста, стоящие в ряд, предшествуют надписи [35, № 16, 20, 25, 38, 41, 43, 47, 51, 78, 144 и др.]. Известны эпитафии и с большим количеством крестообразных символов, например, на одной из них присутствуют 5 крестов и 2 христорограммы [35, № 166].

Многочисленное повторение изображений креста в рамках одного памятника объясняется, прежде всего, тем, что крест Иисуса Христа, как знак грядущего воскресения, победы над смертью, символ царства небесного, был обогащен также мощной апотропеической (отвращающей беду), защитной силой. Очень ярко и выразительно это значение креста продекларировано в сочинениях архиепископа Константинополя¹⁷ Иоанна Златоуста (347-407), которому принадлежит большая заслуга в укреплении культа «светоносного и животворящего Христова Креста, силой которого прогоняются демоны, изгоняются болезни, удаляется мрачная тьма и освещаются все пределы земли» [82, 1]. Защищая крест от тех, «которые стыдятся крестных страданий Христовых», он превозносит его чудодейственную силу: «Когда при нас крест, тогда демоны уже не страшны и не опасны; смерть уже не смерть, а сон. Крестом все враждебное нам низложено и поправлено» [83, 5]. Иоанн Златоуст призывает христиан носить крест «с собой и на ложе, и за трапезой, и всюду, где бы мы ни были. Как многие из воинов ни обедают, ни спят без оружия, так и мы ныне привесим вместо меча к своему ложу крест, вместо засова начертанем на дверях его же, им же окружим всякий дом вместо стены, им оградим внутреннее и внешнее» [82, 4]. Начертание креста приветствуется повсюду: на домах, на стенах, на дверях, на окнах, «и на челе, и на сердце», «и в уме» [83, 4; 84, 1; 82, 2]. Именно защитная сила креста побуждала покрывать его многократным изображением также стены и своды гробниц. Ту же апотропеическую функцию выполняли и сакральные надписи – молитвы и псалмы [30, р. 278-280; 81, р. 69-71]. Ими стремились охватить как можно большую площадь или наиболее ответственные части сооружений – дверные проемы, ниши, карнизы вдоль сводов. По выражению А. Грабаря, кресты и надписи устанавливали «зону непреодолимой защиты от демонов» [30, р. 278]. Таким образом, апотропеическая (защищающая от зла) программа оформления погребальных сооружений, сформированная многократно повторяемыми изображениями креста,

¹⁷ Иоанн Златоуст занимал Константинопольскую кафедру в 398-404 гг.

в ряде случаев сопровождаемых священными текстами, приходит на смену «райской» декорации, художественные принципы которой, заимствованные из античного наследия, навсегда изживаются из арсенала оформителей гробниц.

Аскетическая направленность произошедших изменений в погребальном декоре была предопределена стремлением церкви укоренить в сознании людей истинно христианское отношение к смерти и погребению умерших. Так, в нескольких своих сочинениях, посвященных этой теме, Иоанн Златоуст призывает не прилагать забот о памятниках и гробницах: «Для чего дорогие и ненужные расходы на погребение, – расходы, которые приносят значительный ущерб погребаящим и никакой пользы умершему. Когда ты слышишь, что Владыка воскрес из мертвых без одеяния, – оставь ради этого безумные заботы о погребении» [85; 73]. Главное, что должны делать христиане, чтобы «доставить утешения усопшим: вместо слез, вместо рыданий, вместо поминок – милостыни, молитвы, приношения, чтобы и они и мы достигли обещанных благ» [73]. Призыв Иоанна Златоуста к аскетическому отношению к погребению прозвучал в то время, когда представители социальной верхушки уделяли этому большое внимание и не скупились в средствах на создание дорогих погребальных сооружений, свидетельствами чему служат рассмотренные выше памятники с богатой полихромной росписью IV – начала V вв. Их тип¹⁸, так же, как и характер их декора, был заимствован из античного погребального обряда и нес на себе печать языческого представления о месте захоронения как о загробном жилище покойника [66, с. 507]. Постепенно, под влиянием церковной идеологии, происходит отказ не только от античной по форме декорации, но также в скором времени и от самого типа сооружения, в котором она использовалась. Так, например, в Херсонесе сооружение склепов заканчивается в V-VI вв., хотя и фиксируются случаи использования ранних склепов для захоронений в VI-VII вв. и позже [87, с. 8; 88, с. 76; 89, с. 85-87]. На Боспоре наиболее позднюю группу склепов Е.А. Зинько датирует второй половиной V – серединой VI вв. [7, с. 311]. По мнению А.И. Айбабина, строительство склепов здесь продолжалось и в VII в. [86, с. 69]. Во Фракии подземные сводчатые гробницы из кирпича и камня бытуют до конца VI в. [42, с. 20]. Таким образом, постепенная «христианизация» представлений о смерти и погребении приводит к затуханию погребальной декорации и впоследствии к изживанию и самих погребальных конструкций, сохранившихся из языческого прошлого.

Постепенный уход от античных по своему происхождению декоративных схем и элементов в погребальном декоре V-VI вв. находится в русле основных тенденций в развитии всего христианского искусства в это время. Неуклонный

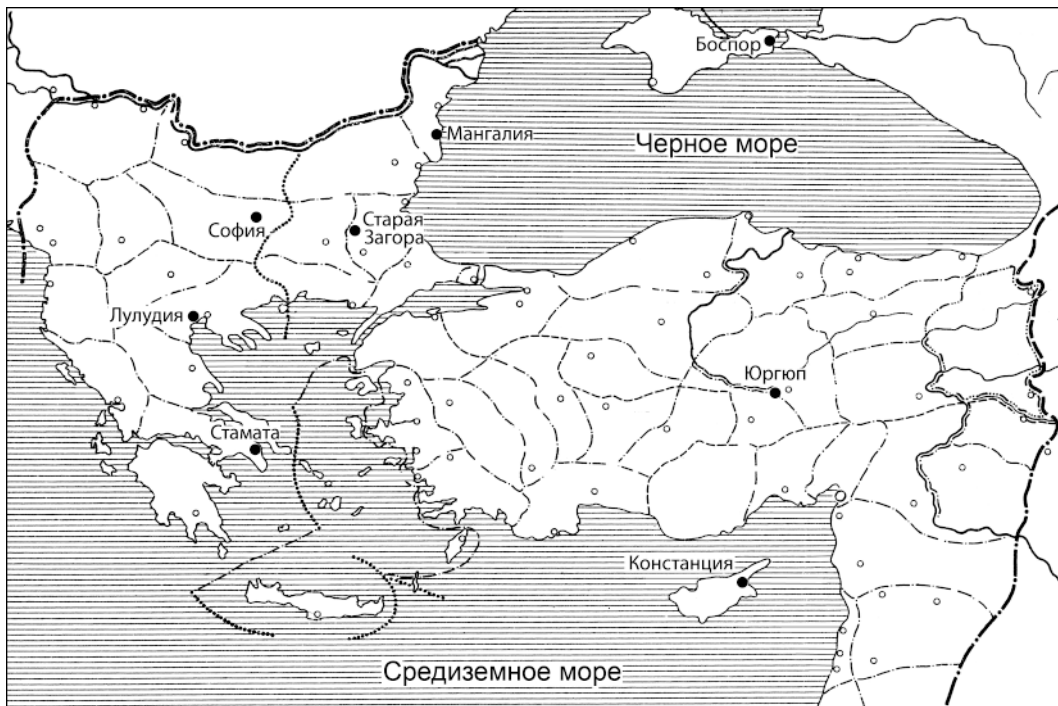
¹⁸ Для Крыма характерны склепы, высеченные в материковом грунте [66, с. 401-423, 439-480; 86, с. 64-72]. На территории Фракии, Греции и Малой Азии сооружали подземные гробницы из кирпича и камня [42, с. 20; 24, р. 167-169; 69, р. 19].

рост влияния христианской церкви, развитие и укоренение в общественном сознании ее идеологии неминуемо сопровождалось последовательными изменениями в художественной культуре в целом. Искусство, поставленное на службу церкви, было призвано нести особую идейную нагрузку. Духовные и нравственные ценности теперь были выше чисто эстетических [90, с. 546-556]. В христианском искусстве шел активный процесс поиска художественных форм для наиболее адекватного выражения духовного идеала, пришедшего на смену чувственным образам. По выражению В.Н. Лазарева, «сенсуалистическая эстетика античности должна была уступить место спиритуалистической эстетике византийцев» [21, с. 17]. Проследив развитие доминирующих стилистических тенденций в ранневизантийском искусстве, Э. Китцингер отмечает, что на протяжении V в. происходит активный отказ от классических изобразительных форм и принципов, которые господствовали в IV в., идет «поиск ... изображения, свободного от всех земных контекстов, непреложного и вечнодейственного», формируется твердый и статичный абстрактный стиль [19, р. 45-80]. Данный процесс Г. Колпакова называет «сакрализацией стиля» [22, с. 152]. Все, что может напоминать о реалиях земной жизни, постепенно заменяется «идеальными, неизменными, законченными формулами» [22, с. 154].

Как представляется, отражением именно этой тенденции является и весь процесс развития погребальной декорации, содержание которого как раз и заключалось в избавлении, абстрагировании от того, что имело «земную» форму. По сути, тот способ оформления гробниц, который сформировался в результате этого процесса, уже сложно назвать декорацией, поскольку собственно декоративный элемент, одним из важных проявлений которого является полихромия, практически полностью исчезает. Остаются лишь самые важные знаки и символы, призванные защитить от «всего враждебного» и выразить главное чаянье христианина – надежду на воскресение в царстве Христовом.

Рассмотренные аналогии с полным основанием позволяют определить место крымских расписных склепов в истории развития погребальной росписи в ранневизантийский период. Декоративная программа херсонесских склепов и ее стилистическое воплощение в полной мере согласуются с ранним типом погребальной декорации, наполненной разнообразными живописными образами, заимствованными из античного искусства и обогащенными христианским смыслом. Ее основное содержание заключается в представлении райского сада, царства небесного, в котором пребывают души умерших христиан. Памятники с подобной декорацией датируются, как правило, в пределах IV – начала или первой половины V вв. Нижняя хронологическая граница склепов Херсонеса может быть ограничена последней четвертью IV в., когда в городе оформилась своя епархия [4, с. 285-286].

Роспись в «геометрическом» стиле боспорских склепов III – рубежа IV-V вв. несет в себе сложную синкретическую программу с богатым набором

Рис. 28. Месторасположение памятников, роспись которых состоит из изображения крестов и священных текстов, второй половины V – VI вв.

изобразительных элементов с двойственной символикой. Тем не менее, декорация многих из этих склепов вполне может трактоваться в христианском духе [6, с. 78-89]. Как представляется, данная группа памятников отражает сложный процесс перехода от языческих культов к христианству какой-то части местного, может быть, варварского населения.

Погребальные сооружения, в оформлении которых главной доминантой становится крест, порой в сочетании со священными надписями, датируются второй половиной V и, главным образом, VI вв. К этому периоду относятся и боспорские склепы с крестами. Наиболее близкие аналогии склепам 1890 и 1895 гг. с крестами и христианскими надписями составляют гробницы, происходящие из некрополей Софии, Мангалии (Каллатис), Старой Загоры (Августа Траяна), Лулудии, Стаматы и Юргюпа. К этому же кругу памятников можно отнести и часть декора святилища из Констанции (Саламиса) на Кипре (рис. 28). Из всей этой группы только керченский склеп 1890 г. имеет абсолютную дату – 491 г. Кроме того, он обладает самым большим количеством крестов и наиболее богатым составом сакральных текстов (15 крестов, 2 молитвы и цитаты из 4-х псалмов). Здесь мы наблюдаем вполне сложившуюся, совер-

шенно новую, по сравнению с предыдущим периодом, систему оформления погребального сооружения. Таким образом, именно этот керченский памятник позволяет определить конец V в. как рубеж в кардинальной смене декоративной концепции оформления христианских мест захоронения. Античная по своему происхождению роспись с ее полихромией и разнообразием декоративных мотивов навсегда ушла в прошлое и практически была забыта. Отдельные ее элементы иногда еще находили место в новой апотропеической программе, но лишь как рудиментарные явления, к тому же, как правило, утратившие художественно-декоративную ценность.

Таким образом, крымские памятники являются отражением двух различных, последовательно сменивших друг друга этапов в истории развития погребального декора. Их синхронность византийским аналогам не может вызывать сомнения. Крымские центры, входившие в христианскую ойкумену, достаточно чутко реагировали на происходившие в христианском искусстве изменения и перенимали его новые современные формы. Появление росписи херсонесских склепов после установленного рубежа в смене декоративной системы представляется абсолютно невозможным уже в силу того, что они были созданы приезжими мастерами – носителями современных им принципов декорации, господствовавшим на значительной территории Византийской империи [4, с. 262]. После середины, а тем более конца V в. росписи, аналогичные фрескам херсонесских склепов, неизвестны. Таким образом, отличие в оформлении херсонесских христианских склепов и боспорских склепов с крестами и псалмами объясняется не «определенными особенностями процесса проникновения христианства в среду населения» этих центров [1, с. 72-73], а принадлежностью этих памятников к разным хронологическим этапам.

Информативность крымских христианских склепов IV-VI вв. далеко еще не исчерпана. Их значение не ограничивается только историей Крыма и процесса, христианизации местного населения. Среди них есть и такие, которые с полным правом можно назвать эталонными памятниками для всего византийско-христианского пространства. Следовательно, их важность в изучении развития христианской идеологии и искусства, в целом, трудно переоценить, что придает данным памятникам мировую значимость.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. Киев, 2000.
2. Зинько Е.А. Проблемы исследования позднеантичных боспорских расписных склепов // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
3. Зинько Е.А. Христианские склепы некрополя Боспора IV-VI вв. // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
4. Завадская И.А. Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов: проблемы хронологии и генезиса // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.

5. Хрушкова Л.Г. О живописи раннехристианских склепов в Крыму: сто лет после Михаила Ивановича Ростовцева // *Византия в контексте мировой культуры. Труды Государственного Эрмитажа*. СПб., 2008. Т. XLII.
6. Зинько Е.А. Христианские мотивы в росписях пантикапейских склепов // *МАИЭТ*. 2003. Вып. X.
7. Зинько Е.А. Вопросы хронологии раннехристианских склепов Боспора // *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Мат-лы междунар. науч. конф.* СПб., 2004. Ч. 1.
8. Ростовцев М.И. *Античная декоративная живопись на юге России*. СПб., 1914.
9. Туровский Е.Я., Филиппенко А.А. Некоторые особенности погребальных сооружений и обрядов первых христиан Херсонеса и Пантикапея // *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Мат-лы междунар. науч. конф.* СПб., 2007. Ч. 2.
10. Ступко М.В., Туровский Е.Я., Филиппенко А.А. О судьбах расписных склепов первых христиан Херсонеса // *Sacrum et Profanum III. Небесные патроны и земные служители культа*. Севастополь, 2007.
11. Туровский Е.Я., Филиппенко А.А. Хронология склепов ранних христиан некрополя Херсонеса (в свете данных раскопок 2006 г.) // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. Симферополь, 2008. Вып. I.
12. Зубарь В.М. По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // *Научно-атеистические исследования в музеях*. Л., 1988.
13. Zubar V.M., Pillinger R. New Tombs with Early Christian Murals from the Necropolis of Tauric Chersonesus (Preliminary Note) // *TALANTA*. 2002. Vol. XXXII-XXXIII (2000-2001).
14. Диатропов П.Д. Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов // *Церковная археология южной Руси. Сборник мат-лов междунар. конф. «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия»* (Севастополь, 2001 г.). Симферополь, 2002.
15. Завадская И.А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV-VI вв.) // *МАИЭТ*. 2003. Вып. X.
16. Зубарь В.М. По поводу методики датировки склепов с раннехристианской росписью некрополя Херсонеса // *РА*. 2006. № 4.
17. Завадская И.А. К вопросу об эволюции христианской погребальной росписи в ранневизантийский период // *VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Святилища и сакральные объекты*. Керчь, 2007.
18. Зубарь В.М. По поводу датировки новых христианских склепов некрополя Херсонеса-Херсона // *X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы*. Керчь, 2009.
19. Kitzinger E. *Byzantine Art in the Making. Main lines of stylistic development in Mediterranean Art. 3d – 7th century*. London, 1977.
20. Crippa M.A., Zibawi M. *L'art paléochrétien. Des origines à Byzance*. Milan, 1998.
21. Лазарев В.Н. *История византийской живописи*. М., 1986. Т. I.
22. Колпакова Г. *Искусство Византии. Ранний и средний периоды*. СПб., 2004.
23. Valeva J. Les tombeaux ornés de croix et chrismes peints // *Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae christianae. Split-Porec (1994)*. 1998. Pars III.
24. Valeva J. La peinture funéraire dans les provinces orientales de l'Empire Romain dans l'Antiquité tardive // *Hortus Artium Medievalium*. 2001. Vol. 7.
25. Покровский Н.В. *Очерки памятников христианского искусства*. СПб., 1999.
26. Dinkler E. Kreuzzeichen und Kreuz // *Jahrbuch für Antike und Christentum. Jahrgang 5*. 1962. Münster Westfalen, 1963.
27. Dinkler E. Kreuz // *Lexikon der Christlichen Ikonographie*. Rom, Freileurg, Basel, Wien, 1970.
28. Уваров А.С. *Христианская символика*. Ч. 1. Символика древнехристианского периода. М.; СПб., 2001.

29. Евсевиѳ Памфил. Жизнь блаженногo василєвса Константина. М., 1998.
30. Grabar A. Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique. Vol. II : Iconographie. Paris, 1946.
31. Иоанн Златоуст. О кресте и разбойнике. Беседа вторая // Собрание сочинений святителя Иоанн Златоуста, архиепископа Константинопольского (в 12 т.). Т. II, кн. 1. – Режим доступа: http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z02_1/Z02_1_41.htm.
32. Barbet A., Sener S. Conservation Work at Iznik: Elbeyli Tomb Paintings // XVI. Arařtırma Sonuçları Toplantısı. I. Cilt. Ankara, 1999.
33. Pelekanidis S. Gli affreschi paleocristiani ed i piu antichi mosaici parietali di Salonico // Collana di quaderni di antichità Ravennate, Cristiana e Bizantina. Ravenna, 1963. N. 2.
34. Μαρκῆ Ε. Η ταφική ζωγρaφική τῶν πρῶτων χριστιανικῶν χρόνων στῆ Θεσσαλονίκη // Χριστιανική Θεσσαλονίκη. Από τοῦ Αποστολοῦ Παυλοῦ μεχρi καί τῆς Κωνσταντινείου εποχῆς. Θεσσαλονίκη, 1990.
35. Feissel D. Recueil des inscriptions chrétiennes de Macédoine du IIIe au VIe siècles // Bulletin de correspondance Hellénique. Supplément. 1983. T. VIII.
36. Μακροπούλου Δ. Ανασκαφή τάφων στο Ανατολικό παλαιοχριστιανικό νεκροταφείο της Θεσσαλονίκης // Makedonika. Θεσσαλονίκη, 1990.
37. Πελεκανίδης S. Παλαιοχριστιανικός τάφος εν Φιλίπποις // Tortulae. Studien zu Altchristlichen und Byzantinischen Monumenten. Rom, Freiburg, Wien, 1966.
38. Gounaris G. L'archéologie chrétienne en Grèce de 1974 à 1985 // Actes du XIe Congrès international d'archéologie chrétienne. Rome, 1989. Vol. III.
39. Mirković L. La nécropole paléochrétienne de Niš // Archeologia Jugoslavica. 1956. II.
40. Бошкович Д. Еще несколько слов о раннехристианской стенной живописи в нишском склепе // ВВ. 1959. Т. XV.
41. Миятев К. Декоративната живопись на Софийския некропол. София, 1925.
42. Овчаров Д. Архитектура и декорация на старохристиянските гробници в нашите земи // Археология. София, 1977. Кн. 4.
43. Овчаров Д., Ваклинова М. Ранновизантийски паметници от България IV-VII век. София, 1978.
44. Pillinger R., Popova V., Zimmerman B. Corpus der Spätantiken und Frühchristlichen Wandmalereien Bulgariens. Wien, 1999.
45. Valeva J. La tombe aux Archanges de Sofia // Cahiers archéologiques. 1986. 34.
46. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб., 1913.
47. Migotti B. An early Christian fresco from Štrbinci near Dakovo // Hortus Artium Medievalium. 1997. Vol. 3.
48. Зинько Е.А. Культурная символика в росписи нового склепа Пантикапейского некрополя // БИ. Симферополь, 2002. Вып. II.
49. Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. № 69.
50. Valeva J. Two Tombs in the Balkans and the Sunworship in the Early Christian Period // Miscellanea Bulgarica. Wien, 1987. 5.
51. Pillinger R., Minčev A., Georgiev P. Ein Frühchristliches Grabmal mit Wandmalerei bei Ossenovo (Bezirk Varna / Bulgarien). Wien, 1989.
52. Dimitrov D.P. Le système décoratif et la date des peintures murales du tombeau antique de Silistra // Cahiers archéologiques. Paris, 1962. XII.
53. Димитров Д.П. Стил и дата на стенописите от късноантичната гробница при Силистра // Археология. София, 1961. Год. III. Кн. 1.
54. Диатропов П.Д., Емец И.А. Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. 1995. № 2.
55. Бобчев С.Н. Новооткрити гробници в старохристиянския некропол на Сердика // Известия на Българския археологически институт. София, 1943. Т. XIV. 1940/42.
56. Иванова В. Украса на гробница I намерена под сградата на Народната библиотека // Известия на Българския археологически институт. 1940/42. София, 1943. Т. XIV.

57. Герасимов Т. Гробница с живопис от Сердика (VI в. на н.е.) // Археология. София, 1976. XVIII. Кн. 2.
58. Герасимов Т. Раннохристианска гробница при гр. Сандански (Св. Врач) // Известия на Археологически институт. София, 1966. XXIX.
59. Firatli N. Notes sur quelques hypogées paléo-chrétiens de Constantinople // Torturae. Studien zu Altchristlichen und Byzantinischen Monumenten. Rom, Freiburg, Wien, 1966.
60. Kleiss W. Neue Befunde zur Chalkopratenkirche in Istanbul // Akten des VII Internationalen Kongresses für Christliche Archaologie. Berlin, 1969.
61. Rădulescu A., Lungu V. Le christianisme en Scythie Mineure à la lumière des dernières découvertes archéologiques // Actes du XIe Congrès international d'archéologie chrétienne. Rome, 1989. Vol. I.
62. Κουκούλη Χ. Αρχαιοίτητες και μνημεία ανατολικής Μακεδονίας // Αρχαιολογικόν Δελτίον. Χρονικά. 23 (1968). Αθήναι, 1969.
63. The Survey of Early Byzantine Sites in Ölüdeniz Area (Lycia, Turkey). The First Preliminary Report / Ed. by Shigebumi Tsuji // Memoirs of the Faculty of Letters Osaka University. 1995. Vol. XXXV.
64. Comte du Mesnil du Buisson, Mouterde P.R. La chapelle byzantine de Bâb Sbâ à Homs // Mélanges de l'Université Saint-Joseph. Beyrouth (Liban). 1929. T. XIV.
65. Mouterde P.R. Les découvertes intéressantes l'Archéologie chrétienne effectuées en Syrie // Atti del III Congresso internazionale di archeologia cristiana. Ravenna, 25-30 settembre 1932. Roma, 1934.
66. Кулаковский Ю. Керченская христианская катакомба 491 года // МАР. 1891. № 6.
67. Кулаковский Ю. Христианская катакомба, открытая в 1895 г. // МАР. 1896. № 19.
68. Септуагинта, часть 2. Ветхий Завет на греческом языке (pdf 2,99 MB). – Режим доступа: <http://ihtys.narod.ru/septuaginta2.pdf>.
69. Marki E. Deux tombeaux monumentaux protobyzantins récemment découverts en Grèce du Nord // Cahiers archéologiques. Picard, 1997. 45.
70. История развития формы креста. Краткий курс православной ставрографии. М., 1997.
71. Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1.
72. Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии // Восточные отцы и учителя V в. (Библиотека Якова Кротова). – Режим доступа: <http://www.krotov.info/acts/05/antolog/page26.htm#02>.
73. Иоанн Златоуст. Слово 45. О том, что не должно усиленно оплакивать умерших // Собрание сочинений святителя Иоанн Златоуста, архиепископа Константинопольского (в 12 т.). Т. XII, кн. 2. – Режим доступа: http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z12_2/Z12_2_45.htm.
74. Pillinger R., Pülz A., Velters H. Ein Frühchristliches Grab mit Psalmenszitaten in Mangalia/Kallatis (Rumänien) // Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im Frühen Mittelalter. Wien, 1992.
75. Kiourtzian G. Le Psaume 131 et son usage funéraire dans la Grèce, les Balkans et la Cappadoce à la haute époque byzantine // Cahiers archéologiques. Picard, 1997. 45.
76. Thierry N. Note archéologique sur un tombeau monumental inédit d'Ürgüp (Cappadoce) // Cahiers archéologiques. Picard, 1997. 45.
77. Pillinger R. Ein Bischofsgrab mit Psalmzitat in Stara Zagora (Bulgarien)? // Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte Papyrologie und Epigraphik. Wien, 1989. Band 4.
78. Пилингер Р. Гробница с псалмов текст от Стара Загора // Известия на Музеите от югоизточна България. 1991. Т. XIV.
79. Γκίνη-Τσοφοπούλου Ε. Ανασκαφικές εργασίες. Νομός Αττικής. Σταμάτα. Παλαιοχριστιανική βασιλική // Αρχαιολογικόν Δελτίον. Χρονικά. 45 (1990). Αθήναι, 1995.
80. Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. 1998. № 1.
81. Sacroulo M.A. La fresque chrétienne la plus ancienne de Chypre // Cahiers archéologiques. Paris, 1962. T. XIII.

82. Иоанн Златоуст. На поклонение Честному и Животворящему Кресту, в среднюю неделю Великого поста // Собрание сочинений святителя Иоанн Златоуста, архиепископа Константинопольского (в 12 т.). Т. III, кн. 2. – Режим доступа: http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z03_2/Z03_2_50.htm.
83. Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея Евангелиста. Беседа 54 // Собрание сочинений святителя Иоанн Златоуста, архиепископа Константинопольского (в 12 т.). Т. VII, кн. 2. – Режим доступа: http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z07_2/Z07_2_10.htm.
84. Иоанн Златоуст. Слово о том, что не должно стыдиться прославлять Честный Крест... // Собрание сочинений святителя Иоанн Златоуста, архиепископа Константинопольского (в 12 т.). Т. III, кн. 2. – Режим доступа: http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z03_2/Z03_2_51.htm.
85. Иоанн Златоуст. Слово 31. О смерти // Собрание сочинений святителя Иоанн Златоуста, архиепископа Константинопольского (в 12 т.). Т. XII, кн. 2. – Режим доступа: http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z12_2/Z12_2_31.htm.
86. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
87. Веймарн Е.В. Некрополь около крестообразного загородного храма в Херсонесе // АДСВ. 1977. Вып. 14.
88. Зубар В.М., Магомедов Б.В. Нові дослідження середньовічних поховань Херсонеса // Археологія. 1981. № 36.
89. Зубар В.М., Рижов С.Г. Розкопки західного некрополя Херсонеса // Археологія. 1982. № 39.
90. Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984.
91. Кацаров Г.И., Тачев Х. Новооткрыта старохристианска гробница в София // Известия на Балгарското археологическо дружество. София, 1910. I.
92. Зинько Е.А. Боспорские склепы на северном склоне горы Митридат // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
93. Valeva J. Sur certaines particularités des hypogées paléochrétiens des terres thraces et leurs analogues en Asie Mineure // Anatolica. 1979-1980. № VII.

Завадська І. А.

Християнські розписні склепи Криму в контексті розвитку поховального розпису в ранньовізантійський період

Резюме

Християнські розписні склепи Херсонесу і Боспору, зважаючи на їх величезну значущість для історії цих центрів, незмінно приваблюють до себе підвищений інтерес фахівців. Проте, не дивлячись на досить велику історіографію їх дослідження, залишається ряд важливих, до кінця не вирішених проблем, серед яких визначення часу появи та релігійної належності деяких з цих пам'яток. У статті зроблено спробу прослідити основні етапи поступового розвитку декоративного оформлення християнських поховальних споруд на території Візантійської імперії в IV-VI ст. з метою виявити найбільш близькі аналогії розписам кримських склепів і визначити їх місце в історії християнського поховального декору. Це, безумовно, допоможе пролити світло на їхню хронологію. Основну увагу зосереджено на тому, як змінюються місце і роль головних християнських символів – хреста та христогорами – в загальній схемі поховальної декорації.

Представлені аналогії вочевидь свідчать про те, що херсонеські розписні склепи і боспорські склепи із зображеннями христів є віддзеркаленням двох різних етапів в історії

розвитку поховального декору, що послідовно змінили один одного. Декоративна програма херсонеських склепів та її стилістичне втілення повною мірою узгоджується з раннім типом поховальної декорації, основний зміст якої полягає в зображенні райського саду, царства небесного, де перебувають душі померлих християн. Пам'ятки з подібною декорацією датуються, як правило, в межах IV – початку або першої половини V ст. Нижня хронологічна межа склепів Херсонесу може бути обмежена останньою чвертю IV ст.

У статті представлені найбільш близькі аналогії боспорським склепам з чисельними зображеннями хрестів, та текстами псалмів і молитов, які датуються другою половиною V і, головним чином, VI ст. Вони демонструють повністю сформовану, абсолютно нову, у порівнянні з попереднім періодом, систему оформлення поховальної споруди, головний сенс якої полягав в створенні «нездоланного захисту» від зла. Боспорський склеп 491 р. дозволяє визначити кінець V ст., як межу в кардинальній зміні декоративної концепції оформлення християнських місць поховання.

Завадская И. А.

Христианские расписные склепы Крыма в контексте развития погребальной росписи в ранневизантийский период

Резюме

Христианские расписные склепы Херсонеса и Боспора, ввиду их огромной значимости для истории этих центров, неизменно привлекают к себе повышенный интерес специалистов. Однако, несмотря на довольно обширную историографию их исследования, остается ряд важных, до конца нерешенных проблем, в числе которых определение времени появления и религиозной принадлежности некоторых из этих памятников. В статье предпринята попытка проследить основные этапы поступательного развития декоративного оформления христианских погребальных сооружений на территории Византийской империи в IV-VI вв. с целью выявить наиболее близкие аналогии росписям крымских склепов и определить их место в истории христианского погребального декора. Это, безусловно, поможет пролить свет на их хронологию. Основное внимание сосредоточено на том, как изменяются место и роль главных христианских символов – креста и христограммы – в общей схеме погребальной декорации.

Представленные аналогии со всей очевидностью свидетельствуют о том, что херсонесские расписные склепы и боспорские склепы с изображениями крестов являются отражением двух различных этапов в истории развития погребального декора, последовательно сменивших друг друга. Декоративная программа херсонесских склепов и ее стилистическое воплощение в полной мере согласуются с ранним типом погребальной декорации, основное содержание которой заключается в представлении райского сада, царства небесного, в котором пребывают души умерших христиан. Памятники с подобной декорацией датируются, как правило, в пределах IV – начала или первой половины V вв. Нижняя хронологическая граница склепов Херсонеса может быть ограничена последней четвертью IV в.

В статье представлены наиболее близкие аналогии боспорским склепам с многочисленными изображениями крестов и текстами псалмов и молитв, которые дати-

руются второй половиной V и, главным образом, VI вв. Они демонстрируют вполне сложившуюся, совершенно новую, по сравнению с предыдущим периодом, систему оформления погребального сооружения, основной смысл которой состоял в создании «непреодолимой защиты» от зла. Боспорский склеп 491 г. позволяет определить конец V в. как рубеж в кардинальной смене декоративной концепции оформления христианских мест захоронения.

Zavadskaya I. A.

Christian Painted Vaults of Crimea in the Context of Funeral Painting Development in Early Byzantine Period

Summary

Christian painted vaults of Chersonesos and Bosphorus have always attracted heightened interest of specialists thanks to their great importance for the history of these centers. However, in spite of rather extensive historiography of their research there are still a number of important problems not solved, among them - determining the date of their appearance and religious belonging of some of these monuments. In this article an attempt to trace the main stages of progressive development of decorative design of Christian funeral constructions on the territory of Byzantine empire in the 4th – 6th centuries was undertaken; it was done to reveal the closest analogies to paintings of Crimean vaults and determine their place in the history of Christian funeral decor. It will undoubtedly help to specify their chronology. The main attention is concentrated on the way how the place and the role of main Christian symbols – cross and monogram of Christ – in general scheme of funeral decoration are changing.

The analogies presented here testify with all evidence that Chersonesos painted vaults and Bosphorus vaults with the pictures of crosses are reflections of two different stages in the history of funeral decor development, stages that superseded each other. Decorative programme of Chersonesos vaults and its stylistic embodiment conform completely with an early type of funeral decoration, the main content of which was presentation of Garden of Eden, Paradise where souls of dead Christians stay. Monuments with such decoration are dated back to the period within the 4th – the beginning or the first half of the 5th century. The lower chronological boundary of Chersonesos vaults can be limited with the last quarter of the 4th century.

The closest analogies to Bosphorus vaults with numerous pictures of crosses and texts of psalms and prayers that are dated back to the second half of the 5th and, mainly, to the 4th century are presented in this article. They demonstrate absolutely new in comparison with the preceding period system of design of burial construction; its main idea was in the creation of «insurmountable protection» from evil. Bosphorus vault of 491 enables to determine the end of the 5th century as a boundary line in cardinal change of decorative conception of design of Christian places of burial.